КНУТ ГАМСУН

У ВРАТ ЦАРСТВА

Пьеса в четырех действиях

Перевод Осипа Дымова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

И в а р К а р е н о, кандидат философии.

Э л и н а К а р е н о.

И н г е б о р г, прислуга у Карено.

Э н д р э Б о н д е с е н, журналист.

К а р с т е н Й е р в е н, доктор философии.

Н а т а л и я Г о в и н д, невеста Йервена.

П р о ф е с с о р Г ю л л и н г.

Ч у ч у л ь н ы й м а с т е р.

С у д е б н ы й п р и с т а в с д в у м я с в и д е т е л я м и.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сад в предместье. На заднем плане справа виднеется часть старого желтого дома с верандой, на которую ведут несколько ступеней. Слева от дома выход на улицу, невидимый зрителям. Лужайки, кустарник и высокие деревья. Дорожки содержатся небрежно. На переднем плане слева под лиственным деревом длинный четырехугольный стол со скамьей.

Время от времени с улицы доносится шум колес проезжающего экипажа.

Позднее лето, после полудня.

Э л и н а К а р е н о, двадцати трех лет, с высокой грудью, светлыми волосами, в белом переднике с нагрудником, и И н г е б о р г, молодая девушка, служанка, разбирают на столе белье. Они торопятся. На земле две бельевые корзины – большая и маленькая.

Элина. Вот, Ингеборг, теперь остались только несколько носовых платков и мелочь. С этим я уж сама справлюсь. Поди, куда я тебя посылала. Накинь платок.

Ингеборг. Хорошо, барыня. *(Хочет идти.)*

Элина. Возьми же с собой корзину.

Ингеборг. Да, правда. *(Берет большую корзину с бельем и идет мимо веранды к черному ходу).*

Элина *(продолжает усердно работать, что-то напевая).*

Ингеборг *(появляясь с платком на голове).* Больше ничего, барыня?

Элина. Нет. Номера дома я не помню, но ты узнаешь по витрине. Он набивает чучела птиц. Всего пять минут ходьбы. Попроси его прийти как можно скорее. Я уже говорила с ним. Он знает.

Ингеборг. Хорошо. *(Уходит.)*

Элина. Скажи ему: самое позднее - завтра днем.

Ингеборг *(за сценой).* Хорошо.

Слышно, как садовая калитка отворяется и запирается с легким стуком.

Элина *(кончает работу. Складывает белье в корзину, снимает головной платок и кладет сверху).* Готово.

Снова слышен стук отворяемой калитки.

И в а р К а р е н о, двадцати девяти лет, с темными волосами, 6езъ бороды, в весеннем пальто, немного коротких брюках И черной твердой шляпе; входит с улицы, держа под мышкой несколько книг. Он хочет подняться по лестнице, но, заметив жену подходит к ней.

Карено *(улыбаясь).* Моя крестьяночка здесь?

Элина *(не отвечает).*

Карена. Я снова был у издателя. Сегодня он уж не сказал «нет»!

Элина. Он сказал «да»?

Карено. Не совсем. Нет, этого он не сказал. Сказал, чтобы я ему принес рукопись, и тогда он посмотрит. Впрочем, он надеется, что дело устроится.

Элина *(молча указывает вокруг себя).*

Карено. Да, я вижу. Благодарю. Эта возня с бельем мне так мешала, когда я сидел здесь н работал. (Кладет книги на стол и садится.) Да, со мной случилось еще что-то. Я встретил ...

Элина. Чтó? Ты встретил Ингеборг? Боже мой, надеюсь, ты не спросил, куда она идет?

Карено. Я не встретил Ингеборг. Разве Ингеборг ушла?

Элина *(смотрит на него).* Как это тебя интересует?

Карено. Интересует?

Элина. Да. Мне так кажется. *(Меняя тон.)* Ингеборг ушла по делу, - по моему делу.

Карено. Так. Секреты?

Элина. Послушай, Ивар, не спрашивай, я ничего тебе не скажу.

Карено. Нет, нет.

Элина. Конечно, нет. Одно дело, о котором ты узнаешь, послезавтра. Потому что это подарок ко дню твоего рождения.

Карено. Нет, нет, я понимаю ... Так вот сперва встретил Бондесена, - знаешь, Эндрэ Бондесена.

Элина. Нет, я не знаю.

Карено. Как, ты не знаешь Эндрэ Бондесена? Ты действительно не знаешь? Чтó с тобой?

Элина не отвечает.

Карено наклоняется и смотрит ей в глаза.

Элина. Ивар, какие мы с тобой разные! Я ждала, что ты еще раз спросишь меня о моем секрете, н тогда я бы те6е чуть-чуть рассказала. Самую чуточку. Это было бы так забавно. Но нет. *(Качает головой.)* И так часто.

Карено *(смеется).* Элина, ты сегодня какая-то странная. Ты говоришь, что это секрет. Я отвечаю: хорошо, пусть секрет. А потом ты вдруг говоришь ...

Элина. Мы целый день возились с бельем, чтобы скорее кончить. И вот кончили. А ты приходишь домой и не говоришь ни звука.

Карено *(берет книги со стола).* Ах, вот откуда подул ветер!

Элина *(быстро).* Нет, он ниоткуда не подул. *(Обойдя стол, кладет ему руку на плечо.)* Вообще нет никакого ветра. Я только такая.

Карено. Да, да.

Короткая пауза.

Элина. Не будем больше об этом говорить. Да? Но как мы работали! Всего час, как ты ушел, а за время мы все успели. *(Чистит его.)* Мне кажется, те6е скоро придется заказать новое пальто. Ты, его носишь со дня нашей свадьбы. Подумай, три года! Как ты думаешь?

Карено *(молчит).*

Элина. Как думаешь?

Карено. Ах, нет...

Элина. Нет? Почему нет?

Карено. О чем ты говоришь? Я думал о другом. *(Обнимает ее.)* О чем ты говорила?

Элина *(отходя от стола).* Ни о чем.

Карено *(встает).* Элина, уверяю тебя, я не слышал, о чем ты говорила. Иначе ...

Элина. Ну, да, ты не слышал, но это все равно ... Вот ты на меня смотришь, Ивар; может быть, я опять не права, но…

Карено. Именно, неправа.

Элина. Я вовсе уж не так много с тобой болтаю, чтобы ты мог не слушать, когда я спрашиваю.

Карено. Элина, действительно мне следовало бы слушать, но ...

Элина. Право, лучше не говорить в тобой. Ты занят только собой. Если ты не в библиотеке за книгой, то сидишь и пишешь. Я тебя вижу, но не слышу от тебя ни слова. Когда идешь гулять, ты никогда не берешь меня с собой. Ты гуляешь один. А вернувшись домой, снова садишься писать.

Карено. Я лучше всего думаю, когда один, Элина.

Элина. Да, я это понимаю, но мне от этого не легче.

Карено. Это временно. Уверяю тебя. Это временно. Потерпи немного, все устроится. *(Искренно.)* Как мило, что ты убрала все это белье. Оно мне напоминало о снеге, и я не мог работать. Ты прелестна, Элина.

Элина *(подходит к столу).* Правда?

Карено. Да, да, ты прелестна. *(Садится.)* Ну, слушай. Я встретил Бондесена.

Элина. Я его не знаю.

Карено. Разве?.. Это газетчик. Журналист. Кроме того, он перебежчик, но это не важно. Он все знает, о чем говорят и что́ делают. Да, они все опять настроены против меня!

Элина. Опять настроены против тебя?

Карено. Моей немецкой статьей.

Элина. Это тебе сказал Эндресен?

Карено. Бондесен. Нет, прямо он этого не говорил, но дал понять. Я его спросил, думает ли он, что на этот раз меня не встретят ненавистью и бранью. Но он этого не думает. - «Вам собственно нечего и ждать другого», - сказал он.

Элина. Он сказал: те6е нечего ждать другого?

Карено. Да. Потому что я напал на одного из наших величайших ученых авторитетов, сказал он.

Элина. На кого же ты напал?

Карено. На профессора Гюллинга.

Элина. Боже мой, ты и на него напал!

Карено. Ты не должна так говорить, Элина. Я нападаю на небо и на землю. Почему же я не могу напасть на профессора Гюллинга? Я нападаю на все, что́ стоит на моем пути.

Элина. Да, да, я только так сказала.

Карено. Я знаю; ты моя верная опора. Я не могу достаточно отблагодарить тебя за все это время; оно особенно важно для меня. Пока ты со мной, они меня не одолеют.

Элина *(протягивает руку через стол, снимает с него шляпу и гладит его волосы).*

Карено. Потом я прихожу в библиотеку, подаю свои записки, получаю книги. Вдруг библиотекарь мне говорит: «Тут справлялись о вашем адресе». – «Кто?». - Спрашиваю я. - «Профессор Гюллинг», - отвечает она. *(Смотрит на нее.)*

Элина. Ах!

Карено. Да, не правда ли? Теперь все заволновались.

Элина. Я боюсь за тебя, Ивар ...

Карено *(улыбается).* Нет, тебе нечего за меня бояться. Никто мне ничего не может сделать.

Элина. О, если все на тебя набросятся!

Карено. Но теперь наоборот: я на всех бросаюсь.

Элина. Да, правда.

Карено. Одна вещь может меня свалить. Долги могут меня свалить. *(Встает и беспокойно ходит взад и вперед по садовой дорожке.)* Если я на днях не получу аванса, они могут прийти и описать нас; они даже крышу снимут над нами.

Элина. Но вещей, которые нам дали отец и мать, они не получат.

Карено. Надеюсь, до этого но дойдет.

Элина. Если дойдет. Я про это и говорю.

Карено. Если они придут, то возьмут все, что́ есть.

Элина. Посмотрим. Ты думаешь, и подсвечники тоже?

Карено. Это ведь серебро.

Элина. Подсвечники они возьму прежде всего.

Элина. Посмотрим.

Карено. Но, милая, как же ты им помешаешь?

Элина *(меняя тон).* Да, ты прав. Как тут помешать?.. Что я хотела сказать - как ты думаешь, для чего профессор Гюллинг спрашивал твой адрес?

Карено. Не знаю. Мне безразлично... Может быть, он пришлет мне маленькое снисходительное письмо. У них обыкновение поступать так. *(Останавливается.)* Должен сказать одно, Элина: то́, что профессор Гюллинг сидит в библиотеке, читает мою статью, делает свои пометки и потом, узнаёт мой адрес - уж что-нибудь да значить.

Элина. Конечно. Я именно об этом подумала.

Карено. Можешь быть уверена! Профессору Гюллингу, надо полагать, не для чего считаться со мной. Такая одинокая птица, как я…

Элина. Да, такая одинокая птица. Такой одинокий орел, но…

Карено (*улыбаясь*). Ну, положим, не орел, но…

Элина. Но и не голубь, не правда ли?

Карено *(молчит).*

Элина. Но и не ворон?

Карено *(молчит).*

Элина. И коршуном тебя также нельзя назвать, чтó?

Карено. Не понимаю, к чему ты перечислять всех этих птиц?

Элина. Вот теперь ты опять убежден, что я говорю глупости, но это правда.

Карено *(надевает шляпу).* Мне некогда болтать, пора за работу. Я хочу сегодня написать еще одну главу, прежде чем отнести рукопись. Тогда я приступлю к последней части. Да, тебе кланялся Йервен. Он сказал, что как-нибудь зайдет к нам вечером.

Элина. Вот как.

Карено. И приведет с собой Бондесена. Я просил привести свою невесту. Так что наконец мы ее увидим.

Элина. Эндресен? Этот перебежчик?

Карено. Бондесен. Да, говорят, что он перебежчик. Впрочем, я его мало знаю, несколько раз встречал с Йервеном. *(Встает.)*

Элина. А когда ты думаешь получить это письмо, Ивар?

Карено. Какое письмо?

Элина. Письмо от профессора.

Карено. Но, милая, ведь совершенно неизвестно, пришлет ли он мне письмо?

Элина. Может быть, он сам придет?

Карено. О, нет, Элина.

Элина *(робко).* Разве это не может случиться?

Карено. Ну, ну, ну! Нет, это не может случиться. Да и с какой стати профессору Гюллингу приходить сюда?

Элина. Может быть, он и не живет в этой стороне?

Карено. Нет, он живет здесь, по нашей улице. Но чтó из этого? Пусть живет, где хочет. Нет, мне нужно заниматься. *(Задумчиво идет по саду и возвращается.)* А если я не получу аванс? Сколько времени мы можем держаться? Есть у нас запас провизии?

Элина *(взяв маленькую корзинку и намереваясь идти за мужем).* На некоторое время хватит. *(Ставит корзину на землю).*

Карено. А есть у нас?.. *(С надеждой)* Видишь ли, Элина, определенного обещания он мне не дал. «Принесите рукопись!» - Сказал он, но сказал тоном известного обещания,
вовсе не отказывая. Завтра я приду с рукописью.

Элина. Да, да.

Карено. В конце концов, не вечно же нам ждать спасенья! В тот день, когда я кончу свою книгу, у меня будут деньги, это же ясно. Речь идет, о данном моменте. Ах, эта опись!

Элина *(говорить что-то про себя).*

Карено. Чтó?

Элина. Ничего. Я не буду об этом говорить.

Карено. Если опять речь о твоих родителях, то лучше молчи.

Элина. Мне кажется, легче всего обратиться к ним.

Карено. Тысячу раз мы уж говорили об этом. Они нам помогут, но начнут меня уговаривать, а я на уступки не пойду. Они богатые и богобоязненные крестьяне. Они не понимают меня. Я этим ничего не хочу сказать дурного, это честные люди, они молятся за меня. Ничего подобного я не видел. Они молятся, чтобы я устроился и сделался профессором. Я на это ничем не могу ответить. Я не смеюсь над ними,

Элина, но, право, не знаю, должен ли я, пожертвовать для них хоть одним словом.

Элина. Но можешь предоставить мне переговорить с отцом и матерью. Ты даже не узнал бы об этом.

Карено *(смущенно, сердечно).* Элина, ты такая добрая... Господи, как ты добра! Но, я уверен, ты сама не знаешь, чего от меня требуешь. Возвращаясь от своих родителей, ты каждый раз должна была бы кричать мне: - «Закрой глаза, Ивар, у меня руки полны подарков».

Э л и н а молчит. К а р е н о берет ее за руку, смотрит на нее.

Они медленно ходят, возвращаются.

Элина. Я никогда не слышала, что нужно отказаться от помощи если в ней нуждаешься.

Карено *(выпускает ее руку; убежденно).* Меня невозможно победить, Элина; никто и ничто не может меня победить. Я не дам ни обольстить ни купить себя. Во мне течет кровь маленького упрямого народа. Я не из здешней страны; мой предок был финн: меня зовут Ивар Карено.

Короткая пауза.

Элина. А опись имущества?

Карено. Да, опись! *(Слышен стук садовой калитки, он вздрагивает).* А! Что́ там?

Ингеборг *(быстро входить).*

Карено *(облегченно).* А, это Ингеборг.

Элина *(подозрительно).* Да, это Ингеборг. Не понимаю, чему здесь радоваться?

Карено. Радоваться?.. Нет... Я думал, что это идут другие... Милая Ингеборг, ты ведь не станешь нас описывать, что́? И не снимешь крыши над нами? Господь с тобою. Я совсем повеселел.

Ингеборг *(удивленно).* Я ходила по поручению барышни.

Карено. Подумай, как странно: эта маленькая радость так хорошо на меня подействовала. Впрочем, Элина, я должен сказать, что нам собственно жаловаться нечего. Нужно быть философом; не надо слишком привязываться к одному месту и чувствовать себя сытым. Нужно уметь жить свободной птицей. Пусть они берут крышу.

Элина *(молчит).*

Карено. Кроме того, это только вопрос времени, потом все уладится, - говорю я. Слава Богу, я умею работать. Это они увидят. *(Уходит.)*

Ингеборг *(которая все время порывалась что-то сказать).* Да, он придет.

Элина. Тсс...

Карено *(оборачивается).* Кто придет?

Элина. Ах, не к тебе!

Карено. Не ко мне? *(Уходить в дверь веранды.)*

Элина. Он придет?

Ингеборг. Да. Он сказал - завтра.

Элина. Хорошо.

Ингеборг *(хочет уйти).*

Элина. Неужели так трудно взять с собой эту корзину? Ничего не видит... Бог знает, что у тебя в голове.

Ингеборг *(недоумевающе сморит, берет корзину и уходит черным ходом в дом).*

Элина *(кричит ей вслед).* Барин не должен знать, где ты была. Понимаешь?

Карено *(возвращается с книгами, бумагой и письменными принадлежностями).* Где Ингеборг?

Элина. Соскучился по ней?

Карено. Я хотел попросить ее заправить к вечеру лампу. В ней нет керосину.

Элина. А мне этого нельзя доверять?

Карено. Милая, дорогая, конечно, лучше, если бы ты сделала это... Тогда мои бумаги останутся в порядке.

Элина. Удивительно, что ты вечно думаешь об Ингеборг. Моего отсутствия ты, верно, никогда не замечаешь?

Карена. Что? Я не замечаю? *(Смеется.)* Какие глупости!

Элина. Мы в так кажется.

Карена. Да, но ты никогда и не уходишь. Ты либо в комнате, либо на кухне. Я ведь всегда могу тебя найти. Я знаю, что ты всегда со мной.

Элина. Ты не должен быть так уверен.

Карена. Что ты говоришь? Я не должен быть уверен, что ты со мною?

Элина *(меняя тон, принужденно смеется).* Ты не должен быть уверен, что всегда знаешь, где я.

Карена *(смеется).* Ах, вот как - новая песня! Пропадать из дому?

Элина *(молчит).*

Карено *(раскладывая на столе бумаги).* Так вот о чем ты думаешь, Элина. А я думаю о своей работе. *(Горячо.)* Я сегодня напишу прекрасную главу. *(Закуриваеть трубку и берет перо.)*

Слышна садовая калитка.

Карена. Посмотри, кто там, Элина.

Элина. Незнакомый господин.

П р о ф е с с о р Г ю л л и н г, шестидесяти лет, седой, в большой серой, мягкой шляпе, с толстой палкой и с пенсне на шнурке, медленно входить в сад. Останавливается и смотрит на веранду. Увидев Карено с женой, подходить к столу.

Карено *(встает).* IIрофессор...

Элина *(тихо). Кто* это, Ивар?

Карено *(не отвечает).*

Элина. Кто это? Не слышишь? Какой несносный!

Профессор *(кланяется).* Здравствуйте, милый Карено. Простите, что я так бесцеремонно *(кланяется Элине. Та отходит к дверям веранды, откуда слушает весь разговор.)* явлюсь к вам. *(Подает руку.)* Я живу в этих краях и, проходя мимо, решил навестить вас.

Карено *(который снял шляпу).* Не угодно ли войти, господин профессор?

Профессор. Нет, спасибо, зачем? Позвольте мне присесть здесь, - у меня очень мало времени. *(Садится на скамью, все время держит палку под мышкой; осматривается.)* У вас сядь, Карено? Вы здесь работаете?

Карено. Да, иногда.

Профессор. Вы, верно, много работаете? Вы уж не такой краснощекий, каким были несколько лет назад. Я помню вас хорошо, когда вы посещали мои лекции.

Карено. Я и теперь слушаю ваши лекции, если есть возможность.

Профессор. Вот как? Да, я, действительно, с интересом слежу за вашей работой. *(Улыбается.)* Отчасти вы все-таки мой старый ученик. За двумя учениками я слежу с интересом. Это вы и Йервен. Вы ведь знаете Йервена?

Карено. Да, мы хорошо знакомы.

Профессор. В последнее время вы, без сомнения, имели на него влияние. В нем есть, или, по крайней мере, был до последнего времени отпечаток вашей смелости, хотя он далек от широты вашего миросозерцания. Его докторская диссертация очень дельная работа.

Карено. Я еще не читал ея.

Профессор. Она печатается. Да, совет профессоров ее одобрил. В ней большое чувство меры и благоразумия; вы не узна́ете его. Полный переворот.

Карено. Переворот?

Профессор. Да, кажется, это можно так назвать. Полный переворот по сравнению с прошлым. *(Улыбается.)* Йервена нельзя было считать благоразумным. Но теперь он, видимо, одумался. О, Йервен добьется своего. Через несколько дней он доктор и делается стипендиатом. Это принадлежит ему по праву. В конце концов вам, Карено, также не мешает подумать о стипендии. Почему вы не сядете? *(Дает место.)* Места хватит обоим.

Карено *(кланяется. Садится на край стола, кладет свою шляпу).*

Профессор. Я читал вашу последнюю работу. И должен сознаться, что очень ценю ваше дарование. Сегодня утром я показал вашу работу профессору Валю и сказал: - «Со временем он будет нашим коллегой».

Карено *(делает движение).*

Профессор. Да, это надо признать за вами. Ваши способности должны быть оценены. Разумеется, я с вами не согласен во многих ваших нападках на Стюарта Милля и *(улыбаясь)* и на меня. Кажется, вы не совсем нас поняли. Это часто бывает.

Карено. Я писал в свободное время; моя работа не может считаться законченной.

Профессор. Ну, да, я это понимаю. *(Осматривается)* Да, у вас, действительно, здесь очень удобно и уютно... Что это (*показывает)* там на дереве? *(Встает и ведет, указывая.)*

Карено. Это ракетные трубки. Остатки сожженного фейерверка. Сохранилось от прежнего жильца. Я так их и оставил.

Профессор. Кто здесь жил?

Карено. Поэт Иргенс.

Профессор *(осматривая).* Много красоты в таком искусственном свете. Много ярких красок. *(Возвращается к скамье и садится.)* Гм... Не обижайтесь, если я, как старший, позволю себе вам дать несколько добрых советов. Если бы я в молодости встретил помощь со стороны опытного человека, она была бы мне очень полезна. Но помощь пришла тогда, когда я успел уже сбиться с дороги. Так почти всегда бывает. Вот я и решил зайти к вам сегодня *(смотрит на часы)* на несколько минут. Жаль, если ваше дарование не будет оценено, и я буду считать себя ответственным, если вам не удастся устроиться.

Карено. Очень любезно, господин профессор, что вы обо мне вспомнили.

Профессор. Видите ли, Карено, я теперь пользуюсь, не скажу, известным влиянием, - конечно, этого нет, - но известным именем и весом. Во всяком случае, мои противники относятся ко мне недостаточно справедливо. Я либеральный и современный человек, ученик свободных английских мыслителей, а многим это кажется даже слишком радикальным. В конце концов у меня все же есть маленькое, имя и положение. Мне кланяются на улице и считаются с моим мнением. За границей я также не совсем неизвестен. Но так было не всегда. Я тоже был молод, слишком молод; когда я был в вашем возрасте, я хотел делать то же, что вы теперь; прежде всего мне хотелось на что-нибудь напасть. *(Смеется.)* И именно мне хотелось напасть на классиков. Да, теперь я смеюсь, но тогда я искренно верил, что эти старички не совсем заслужили свою славу. Молодо-зелено. Как вы думаете, сколько мне тогда было лет?

Карено *(хочет отвечать).*

Профессор. Двадцать девять. Да, судите сами. Я почти склонялся к той мысли, что классиков, как поэтов и как носителей культуры, в наше время не следует печатать. Впоследствии я, слава Богу, лучше разглядел их значение. Я говорил, что эти старые писатели были хороши в свое время. Но их произведения, - говорил я, - в смысле художественном и в смысле духовного содержания ниже произведений современных писателей. В то время я был совершенно слеп к вечной красоте классиков. А что́ они значили, как вожди культуры? Учение Аристотеля о самозарождении насекомых из пота животных, утверждение Вергилия, что пчелы рождаются во внутренностях гниющих животных, мнение Гомера, что больные люди одержимы демонами, мысль Плиния лечить пьяниц совиными яйцами, - все это и многое другое казалось мне смешным, ужасно смешным. Теперь, конечно, я в особой статье мог бы превозносить классиков именно за это. Они классиками остались, и я глубже смотрю на вещи. Не знаю, читали ли вы эту мою работу?

Карено. Конечно.

Профессор. Юношеский бред. Я вспоминаю это, как пример того, что и я пережил переходное время и шел напролом. *(Смеется.)* Ясно помню, как я показал свою книгу профессору Валю. Мы тогда оба были молоды. - «Вот низвержение классиков», - сказал я. Он просмотрел книгу и сказал: - «Знаешь, кого ты из них пощадил, Гюллинг?» - «Нет», -ответил я. - «Никого», сказал он. *(Смеется.)* Я ясно помню, как он сказал это. Да, много воды утекло, и вы теперь, Карено, переживаете то, что́ я тогда..

Простите, если я вам прямо это говорю. Мы, мыслители, можем с глазу на глаз быть откровенны. Но, милый Карено, наденьте же шляпу.

Карено *(надевает шляпу).*

Профессор. Я совсем не заметил, что вы без шляпы. Да, вы переживаете то, что́ я тогда. Только вы более резки в своих мнениях и словах. Конечно, вы с полным правом можете возразить, что я делал то же, что вы теперь. Но вы должны согласиться, что в нападках на величайших современных мыслителей больше, как бы это сказать, ну... юношеского, чем в нападках на старых поэтов. То, что вы подвергли меня критике, нисколько не мешает мне видеть и ценить ваши большие способности; надеюсь, вы это видите. Но когда вы нападаете на Спенсера и Милля, этих обновителей всего нашего мышления, когда вы называете их самыми заурядными умами, то, несмотря на все мое расположение, мое отношение к вам, как к мыслителю, начинает колебаться.

Карено *(запинаясь).* Простите, господин профессор, я не говорил, что эти два, англичанина самые заурядные умы. Это недоразумение; я говорил о них, как о достойных уважения и знающих ученых, которые собрали и систематизировали много фактов.

Профессор. Это одно и то же.

Карено. Я хотел подчеркнуть разницу между понятиями «знать» и «постигать», -между крепкой, выносливой головой школьника, заучивающей множество вещей, и мыслителями, созерцателями.

Профессор. Я либерален, насколько это возможно, и люблю молодежь, потому что сам был молод. Но молодежь не должна переступать известных границ. Нет, этого она не должна делать. Известных границ разума. Да и к чему? Тот, на кого нападают, стоит непоколебимо, а нападающий только вредит самому себе.

Карено. Но, господин профессор, если так рассуждать...

Профессор. Да, дорогой Карено, я говорю вообще. Настанет день, когда вы согласитесь со мной. Современная английская философия не только «чудовищная гора школьной мудрости», как вы выражаетесь. Весь свет живет ею. Все мыслители верят в нее. Суть философии не в остроумии, а грубость она совершенно игнорирует. Карено, бросьте все это. Я советую вам подождать, пока ваши взгляды не созреют и не придут в ясность. С годами является мудрость.

Карено. Я думаю, что если не сказать этого в юности, то уж никогда не скажешь.

Профессор. Вы так думаете?

Карено. Да. Подступает старость, пятьдесят лет; ряд соображений, миросозерцание старика...

Профессор. Так оставьте это невысказанным. Оно и останется невысказанным. Мир от этого не рухнет. Или вы думаете, что человечество действительно вздыхает по вашей последней работе?

Карено *(делает движение).*

Профессор. Если вы подумаете, то согласитесь со мной. *(Роется в карманах.)* Впрочем, я кое-что записал из вашего... из вашего... интересно знать, действительно ли вы так думаете. *(Вынимает несколько листков.)* Вот это. *(Ищет пенсне.)* Вы насмехаетесь над англичанами за их гуманизм, за их «так называемый гуманизм», как вы выражаетесь. Вы осуждаете современное сочувственное отношение к

рабочим и находите это нелепым. (*Читает.)* «В связи с этим...» *(Снова ищет пенсне.)* У меня было... где же это?..

Карено. Пенсне? Пожалуйста. Здесь. *(Находит его на груди у профессора.)*

Профессор. А!.. Спасибо. *(Читает.)* «В связи с этим надо указать на другое явление: современное сочувственное отношение к рабочему, которое в наши дни сменило распространившийся в некоторых странах около середины этого столетия культ крестьянства. Ни одно правительство, ни один парламент, ни одна газета не упускают случая... да... *(Пропускает несколько строк.)* «И наш либеральный профессор Гюллинг потратил много сил и таланта на защиту рабочего дела. *(Пропускает.)* Рабочие потеряли значение не только как двигательная сила, но и как социальный класс. Что же делают правительство, парламенты и газеты?» *(Пропускает.)* Да, вот это. *(Повышает голос.)* «Когда они были рабами, - речь идет о рабочих, а вы их называете рабами, - когда они были рабами, они имели определенные обязанности; они работали. Теперь вместо них работают машины, при помощи пара, электричества, воды и ветра, и таким образом рабочее становятся все более и более лишними на земле. Раб превратился в рабочего, рабочей в паразита, у которого отныне нет определенного места на земле. И этих существ, ставших совершенно безполезными, государство стремится сделать политической партией. Господа, разговаривающие о гуманизме, вы не должны нежничать с рабочими; напротив, вы должны нас охранять от них, мешать их распространению, вы должны истребить их»... Дальше вы это развиваете подробнее. (Смотрит на него поверх пенсне.) Это действительно ваше мнение?

Карено. Да.

Профессор. Действительно ваше мнение? Вы рекомендуете высокий налог на хлеб, чтобы поддержать крестьянина и уморить голодом рабочего. *(Снимает пенсне.)* Неужели вы не читали того, что́ мы на эту тему писали?

Карено *(хочет ответить).*

Профессор. Я могу вам прислать по этому вопросу до шести собственных сочинений, больших и мелких.

Карено. Я их читал.

Профессор. Вы их читали?

Карено. Да.

Профессор. Трудно поверить. Положительно трудно. *(Указывает на бумаги.)* Когда я все это прочел, я сказал себе: «И это написал мой ученик». Да, я сказал так, потому что мне действительно тяжело было видеть это. *(В другом тоне.)* Конечно, можно Бог знает до чего дойти, почему же нет? Но вы, Карено, слишком добры для этого. Разумеется, вы не привыкли к тому, чтобы вас слушали; над вашими словами только издавались, лишали вас того внимания, которое вы заслуживаете. Вы словно глухой стене говорили. Поэтому у вас явилось желание кричать, высказывать крайние мнения и вообще все утрировать. Это вполне понятно.

Карено. Возможно, что вы правы, господин профессор, и это имело известное влияние, но...

Профессор. Не правда ли? Все-таки имело влияние. Я себя ставлю на ваше место. Но вещь нетрудно добиться необходимого сочувствие. Здесь много зависит от вас самих. Вы найдете вашу аудиторию. Смею утверждать, что, если вы поставите себе правилом подождать несколько лет прежде, чем на что-либо напасть, то вообще оставите нападки и найдете для ваших мирных работ сочувствующих и расположенных читателей.

Карено. Вы, конечно, не думаете, господин профессор, что…

Профессор. Поясню то, что хотел сказать. Простите, что́ должен вас прервать, но у меня мало времени. *(Смотрит на часы.)* Ну, еще две минуты... Я, изволите видеть, не запрещаю людям иметь мнение. Разумеется, это шло бы в раз-раз со всем моим мировоззрением. Но есть мнение и мнение. Одно дело - быть молодым и подчиняться своему темпераменту, а другое - давать каждой мысли созреть в твердое убеждение. Да, да, в твердое убеждение. Никто не является на свете зрелым. Но зрелость мысли надо развивать в себе. Она наступает при известном возрасте... Я вас очень прошу подумать обо всем этом. Мы, конечно, еще встретимся. И если вы хотите меня навестить - милости просим. Я буду очень рад, вас видеть. *(Собирает листки и прячет их).*

Карено *(встает).*

Профессор *(протягивает ему через стол руку).* Очень рад буду вас видеть. Я много от нас жду, Карено, и если вы не будете уклоняться от своего пути, делать то, что́ должны делать, то... Конечно, я, могу говорить только за себя, не за других; но от нас, от ваших коллег, вы, разумеется, тогда в праве получить ту поддержку, которой заслуживаете. *(Встает).*

Элина скрывается в дверях веранды.

Профессор *(указывает на рукописи, лежащая на столе).* Вы заняты большой работой?

Карено. Да, она неожиданно разрослась. Я работаю над последней частью.

Профессор. У вас уже есть издатель? Или вы опять будете печататься в Германии?

Карено. Нет. Я надеюсь устроиться с вашим издателем, господин профессор.

Профессор *(изумленно).* Вот как? Вы говорили с ним?

Карено. Да. Он хочет познакомиться с рукописью.

Профессор. Вот как. *(Задумьшается.)* Да, хорошо, принесите ему рукопись. Если я могу там быть вам полезным я к вашим услугам.

Карено *(искренно).* Это слишком любезно, но я был бы нам очень благодарен, господин профессор, потому что сейчас я нахожусь в некотором затруднении.

Профессор. Понимаю. Я к вашим услугам, и если дело идет о маленьком авансе, то мой издатель в этом отношении пойдет вам навстречу. Впрочем, простите, если я об этом говорю.

Карено. Да. Аванс был бы очень кстати.

Элина снова показывается.

Профессор. Гм... Суть в том, что вам придется немного пересмотреть нашу работу. Я, впрочем, не знаю, что вы там написали, но на основании того, о чем мы сейчас говорили, вы понимаете... Во всяком случае, пересмотреть никогда не мешает. Ну, это вы сами увидите. Я предоставляю это вам. Вполне предоставляю вам. Итак, а сделаю все, что могу. *(Осматривается и что-то ищет).*

Карено. Вы что-то потеряли, господин профессор?

Профессор. У меня была палка.

Карено. Она у вас в руке, господин профессор.

Профессор. Да, правда. *(Оглядывается.)*

Э л и н а быстро исчезает.

Профессор. У вас здесь необыкновенно тихо. Никаких шарманок, почти не слышно экипажей. *(Собирается уходить.)* Вы занимаете весь дом?

Карено. Да, до сих пор занимали.

Профессор. Так вы думаете переехать? *(Останавливается у лестницы.)* Итак, до свидания, милый Карено. *(Подает ему руку.)* Простите старика, которому вздумалось вас навестить.

Карено *(снимает шляпу).* Вы оказали мне большую честь. Благодарю вас, господин профессор, за вашу любезность.

Профессор. Так вот возьмите вашу рукопись и еще раз пересмотрите. Срежьте все дикие побеги. Обрадуйте старика! Я вам желаю добра и принимаю искреннее участие в вашей судьбе.

О б а уходить. Слышно, как профессор еще раз прощается. Садовая калитка открывается и захлопывается. К а р е н о медленно возвращается. Его жена быстро сходить с веранды.

Элина. Это был профессор Гюллинг?

Карено. Да.

Элина. Значитъ, я была права. Он пришел сам.

Карено. Да. Как тебе нравится? Я не мог себе этого представить! И чтó он тут говорил!

Элина. Я почти все слышала. Я но могла удержаться, Ивар. Я стояла в дверях веранды.

Карено *(улыбаясь).* Ты стояла в дверях веранды?

Элина. Да, почти все время. Он не заметил меня, поверь. Вы оба меня не заметили. Я вижу, что ты чем-то доволен, Ивар.

Карено *(улыбаясь).* Ты это видишь?

Элина. Я слышала, как он назвал тебя и себя самого - мыслителями.

Карено. Да, назвал.

Элина. А другой раз он назвал тебя коллегой.

Карено. Да, он, вообще был необыкновенно любезен.

Элина. И теперь ты рад, не правда ли?

Карено. Конечно. Я не отрицаю, что это произвело на меня впечатление. Удивительно! Сам профессор Гюллинг сидел здесь и говорил со мной. Это вообще не такие пустяки, как кажется.

Элина. Ты думаешь, я этого не понимаю? *(Подпрыгивает несколько раз.)* Я совсем с ума сошла от радости. Я так горда, что... (Берет его руку.) Мыслитель! Но я тоже хочу чем-нибудь заняться.

Карено. Ты хочешь заняться чем-нибудь?

Элина. Знаешь, что я сделаю? *(Пристально смотрит на него.)* Я откажу Ингеборг.

Карено. Что́?

Элина. Откажу Ингеборг.

Карено. Ты хочешь?

Элина. Мне кажется, тем, это неприятно. Ты изменился в лице!

Карено. С какой стати?

Элина. Я это сделаю. Она мне мешает. *(Обнимает его.)* Я хочу, чтобы во всем доме мы были совершенно одни. Понимаешь? Здесь никто не должен жить, кроме тебя и меня.

Карено. Это твоя самая смешная фантазия.

Элина. Но если ты так, боишься ее отпустить, то...

Карено. Я - боюсь? Но кто же будет прислуживать? Ты об этом подумала?

Элина. Я, я буду. ТаI;ИМ1, образом мы с1,эI,ономиы, ее жалование. (Прижимаете его к себе.)

Карено. Но... но, Элина! *(Освобождается и смотрит на нее.)* Ты это серьезно говоришь, Элина? Это действительно очень мило с твоей стороны. Боже мой, я был бы тебе так благодарен, если бы ты попробовала. Если не справишься, то... *(Обрывает.)*

Элина. Конечно, справлюсь.

Карено. Это временно. Пока я не кончу своей работы. Потом мы ее снова возьмем.

Элина. Да. Но лучше возьмем другую. Ведь ты ничего не имеешь против того, чтобы расстаться с Ингеборг?

Карено. Нет... Почему же? Милая моя, ты ходишь около меня и тихо мне помогаешь.

Элина. О, я вижу, что ты доволен, потому что ты очень редко так говоришь со мной. (Внезапно бросается ему на грудь.) Мне кажется, что я могла бы...

Карено. Элина, что с тобой?

Элина *(отходя от него).* Фуй, стыдись, Ивар; ты подумал что-то.

Карено. Я? Подумал что-то? Нет. Но...

Элина. Да. А если даже подумал - все равно. *(Прыгает.)*

Карено. Я рад, что ты такая веселая. Послушай, что́ это у тебя за башмаки?

Элина. Посмотри сам.

Карено *(смотрит).* Туфли.

Элина. Перестань!

Карено *(поднимает край ее платья).* Да, конечно, это туфли.

Элина *(оглядываясь).* Подумай, если кто-нибудь увидит тебя?

Карено *(не понимая).* Увидит меня? Что́ ж такое?.. Послушай, Элина, я думаю о его словах об издателе. Он сказал, что хотел поговорить с издателем.

Элина *(снимает туфлю и ударяет его по щеке).* Я тебе покажу, в каких башмаках я прыгаю.

Карено. Элина, оставь наконец эти шутки.

Элина. Нет, Ивар, я не оставлю.

Карено. Но, но... Он сказал, что хочет поговорить с издателем.

Элина. Кто хочет поговорить с издателем?

Карено. Профессор, конечно. Разве ты не слышала?

Элина. Нет.

Карено. Значит, ты не слышала главного? Он хочет мне помочь, так он сказал, получить аванс.

Элина. Правда? Этого я не слышала. Он сказал, что хочет тебе помочь?

Карено. Да. А это все равно, как будто аванс уже в моих руках. Но затем следует обстоятельство, которое, бесспорно... то, что́ он сказал в конце.

Элина. Что́ же?

Карено. Он говорил о том, что мне надо немного переделать свою работу.

Элина. Да, но это ведь...

Карено. В этом вся суть, Элина. Мне это очень трудно сделать. Но, пожалуйста, не
огорчайся. Он это сказал вскользь, в самом конце. Переделать мою книгу - это значит написать ее всю заново.

Элина. Нет. Этого он не может требовать.

Карено. Он и не требует. Он сказал: немного посмотреть. Но книга написана так, что это невозможно. Не думай, что я говорю это из упрямства или упорства, и не расстраивай себя. Аванс я и так получу. Даже если профессор Гюллинг мне не поможет.

Элина. Да, позволь ему помочь тебе! Ты тогда будешь спокойнее. Подумай только, если мы наконец...

Карено. Тс... не говори об этом. Ты полагаешь, что я забываю об описи? Тогда мы могли бы здесь жить дальше. В этом тихом, старом, желтом доме.

Элина *(берет его за руку).* Да. Вдвоем.

Карено. Ах, Элина, дело не в моей доброй воле, поверь.

Элина. Я понимаю.

Карено (обнимает ее). Элина, ты сегодня так добра! Я тебя люблю.

Элина. Да, правда? Мне больше ничего не нужно.

Карено. А теперь иди. Я должен работать.

Элина. Нет, позволь мне еще остаться. Будем немного веселиться, потому что все устраивается.

Карено *(неожиданно обнимает ее).* Послушай, иди. Я должен сегодня написать еще главу. *(Снова целует ее.)* Когда ты здесь, я теряю все мои мысли. Иди. А то...

Элина *(улыбаясь).* А то?

Карено. Нет, я не скажу.

Элина. А то?

Карено. А то я ничего не напишу, ты это знаешь.

Элина. Все равно скоро стемнеет, Ивар.

Карено. Стемнеет только через два часа.

Элина. Два часа, да. Но работать тебе, пожалуй, не удастся.

Карено. Но я должен работать.

Элина. И становится холодно.

Карено *(не отвечает, раскладывает свои бумаги).*

Элина. Ивар, налить твою лампу?

Карено. Пожалуйста.

Элина. И не трогать твоих бумаг?

Карено. Нет. Но почему ты не уходишь? Я такой сумасшедшей женщины никогда не видел. *(Ведет ее к лестнице.)* Ну, до свиданья. *(Освобождается и идет к столу.)*

Элина. Ивар, л буду трогать все твои бумаги.

Карено *(перелистывает рукопись и не отвечает).*

Элина. Я их все разбросаю. Мне этого страшно хочется. *(Смеется.)* Войди и увидишь сам, чтó я сделаю. *(Уходит и запирает дверь.)*

Карено *(закуривает трубку. Садится, берет перо, задумывается. Прохаживается по дорожке, садится опять, перечитывает рукопись и что-то пишет.)*

Элина *(в дверях веранды).* Коллега! (Смеется.) Послушай, коллега! Что я там сделала с бумагами!

Карено *(машет рукой).*

Элина *(уходить в дом).*

Карено *(внезапно встает).* Нет! *(Ходить по дорожке)* Нет, говорю я.

Элина *(выходи из дверей веранды, тихо и нежно).* Ивар, я только хотела сказать, что там ничего не трогала.

Карено *(не подымая глаз).* Что? *(Быстро подходить к столу и зачеркивает только что написанное.)*

Элина. Мне так хотелось бы побыть с тобой!

Карено *(смотрит, зовет).* Элина! Из моей переделки ничего не выходит.

Элина *(сходя с веранды).* Из чего не выходит?

Карено. Из переделки. Профессор не мог думать, что я это сделаю.

Элина. Значитъ, ты не можешь переделать?

Карено *(качает головой).* Как я написал, так и останется.

Элина. Останется? .

Карено. А то, чтó я напишу дальше, тоже останется.

Элина. Ивар, ты раньше сказал, что сделаешь все, чтó от тебя зависит.

Карено. Ты полагаешь, что я не думал об этом? Мне казалось, что это возможно. Я радовался этой возможности, потому что тогда мы были бы спасены. Вот я написал три строчки. Видишь? *(Показывает рукопись.)* Этими тремя строчками я отрицаю двадцать глав моей книги. *(Бросает бумагу.)* Нет! Такой комедии л играть не буду.

Элина *(садится на скамью, опечаленная).* Но ты думаешь все-таки получить аванс?

Карено. Я не понимаю, как профессор Гюллинг мог предложить мне переделать рукопись.

Элина. Вероятно, ему стало нас жаль, и он хотел нам помочь.

Карено. С тем же успехом он мог предложить мне написать то, чего я не думаю.

Элина. Да, да. Профессор хотел те6е добра. Он сам это говорил.

Карено *(смотрит на нее).* Ты снова приуныла, Элина.

Элина *(молчит).*

Карено. Еще ничего не потеряно. Я завтра утром отнесу рукопись.

Элина. Ах, ты увидишь: нас опишут.

Карено. Нет, говорю я. Я совершенно уверен, что этого избегнем.

Элина *(уныло).* Впрочем, не это одно. Все вместе, все вместе. Мы совсем нищие. Например, как ты одет?
Карено. Одет? Но это же неправда, Элина! У меня ведь есть еще один костюм. великолепный костюм.
Элина. Может быть... Значитъ, ты будешь писать, как прежде?
Карено. Да, как прежде.
Элина. И против профессора Гюллинга?
Карено. Против профессора Гюллинга и других. Когда-нибудь я найду своих слушателей.
Элина. Да, конечно, когда-нибудь.
Карено. Ничего не поделаешь. Не сто́ит об этом говорить.
Элина. А мне казалось, что становится уже немного легче. Я была так рада, что... Нет, все останется по-прежнему. *(Закрываеть лицо руками.)*
Карено. Элина, ты должна сделать так, как я раньше говорил. Поезжай к родителям, пока не пройдет кризис.
Элина *(встает).* Ты снова это предлагаешь. Удивительно, как ты стараешься освободиться от меня. Может быть, у тебя есть на то тайная причина?
Карено. Тайная причина?
Элина. Не знаю. Но ты ведь знаешь мое решение. Я не уйду.
Карено. Нет, нет. Значитъ, нечего делать. Сегодня весь день пропал. Я мог бы много успеть. Но главу я должен кончить. *(Садится, собираясь работать).*
Элина *(подходить к нему).* Я понимаю, в чем дело. Ты меня больше не любишь, Ивар. В этом все дело. Ты только что сказал, что любишь меня. А я говорю тебе, что это неправд Я вижу это во всем, даже в мелочах. И не с сегодняшнего дня. Ты для меня ничего не хочешь сделать. Ты не интересуешься тем, что у меня на душе. Ты все пишешь и пишешь, а наше положение становится все хуже и хуже. В довершение всего ты хочешь от меня избавиться.
Карено *(встав).* Мне кажется, ты сошла с ума. Я тебя не люблю?
Элина. Нет, не любишь. Иначе ты не был бы таким. Но не переходи границ, Ивар, потому что совсем не решено, что я не уйду от тебя. Я только это хотела сказать. *(Уходит.)*
Карено. Ты второй раз сегодня шутишь этим, Элина; что́ значит: не решено, что ты не уйдешь от меня?
Элина *(на лестнице веранды).* Это ты увидишь. *(Выходить, запирает дверь.)*
Карено *(неподвижно смотрит ей вслед, садится, берет перо).*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Карено. В глубине дверь на улицу. Над этой дверью в стене торчит крюк. Налево стеклянная дверь на веранду и дверь в

спальню. Между ними этажерка. На ней, в числе других вещей, два подсвечника. Направо большой рабочий стол Карено, с множеством бутылок и книг. Совсем позади, по той же стороне дверь в кухню. Диван, несколько столов, стульев, зеркало в позолоченной раме. Все очень убо го. На полу от двери наискось положен длинный, узкий ковер. Ивар Карено сидит и работает при свете лампы. Э л и н а тихо входить из кухни, ставить зажженную лампу на круглый стол, кладет свою работу и опять тихо уходит.

Стучать в заднюю дверь. Потом еще раз, сильнее.

Карено. Войдите.

Доктор Йервен *(бледный господин 27 лет, с темными волосами и бородой, входить, в сопровождении Г о в и н д, двадцатилетней девушки, брюнетки, и Э н д р э Б о н д е с е н а; последний тридцати пяти лет, сытый, темный блондин, усы, пенсне; модно и элегантно одетый. В дверях слышен голос Йервена).* Конечно, дома. Прошу дамы вперед.

Карено *(поднимается, удивленный).* Как? Йервен? *(Кладет перо.)*

Йервен. Именно. И-мен-но. Добрый вечер. *(Знакомит.)* Моя невеста, а этого ты знаешь.

Карено. Как это любезно! Садитесь. *(К Говинд.)* Пожалуйста, садитесь.

Йервен. Госпожи Карено нет дома?

Карено. Дома. Она на кухне. Я сейчас... *(Открывает дверь и зовет.)* Элина! *(Та отвечает.)* Гости пришли. Милые гости. Чтó?.. Только скорее. *(Закрываеть дверь.)* Право, это очень мило. *(К Говинд.)* Благодарю вас, что заглянули к нам. Ведь это довольно далеко.

Говинд. Да, я живу внизу, в городе.

Йервен. Но мы решили основательно помешать тебе.

Карено. И прекрасно. Я так устал. Превосходно... Ты, конечно, знаешь, что вчера здесь был профессор Гюллинг?

Йервен. Конечно, знаю. Об этом идут всевозможные толки. После его ухода ты послал ему резкое письмо?

Карено. Нет. Это неправда. Я только защищался. Я написал то, чего не успел высказать в разговоре. Несколько слов.

Йервен. Да, об этом говорят. А книга подвинулась?

Карено. Три четверти ея сегодня утром я отнес к издателю. Посмотрим, возьмет ли он ее. Он обещал дать ответ через несколько дней. А ты уже доктор. Поздравляю.

Йервен *(с напускной веселостью).* О, да, конечно. Я уже доктор. Я так счастлив. Хо-хо!

Элина *(входить).* Вот приятная неожиданность!

Йервен *(ей навстречу).* Добрый вечер! Простите, что пришли. Но долго мешать мы не будем. И не нагоним скуки; мы все народ веселый.

Элина. Это правда. Милости просим.

Йервен *(представляет).* Итак, прошу внимания, госпожа Карено. Это моя невеста. Ее зовут Наталия Говинд. Но так как мы с ней большие друзья, я называю ее просто Натали. Ей это больше нравится.

Говинд *(слегка ударяя его).* Лгунишка!

Йервен *(представляет дальше).* Вот это совсем другой экземпляр, по имени Эндрэ Бондесен. Как вы видите, мужчина в цвете лет. Как вы не видите, - интересуется решительно всем. В настоящее время его мысли заняты тем, к лицу ли ему полосатые брюки.

Бондесен. Ты решил сегодня быть злым.

Элина. О, нет, Йервен никогда не бывает злым. Он приносит с собой столько радости, что...

Йервен. Радости? Благодарю вас.

Бондесен. В последнее время он сделался очень злым!.. Он сердится на всех и даже на самого себя. Не знаю, что с ним сделалось.

Говинд. На меня он не сердится.

Элина *(к ней).* Не снимете ли вы шляпу и кофточку?

Говинд *(снимает).*

Элина *(садится рядом).*

Карено. Господа, снимите ваши пальто. *(Мужчины снимают. Б о н д е с е н садится к дамам).*

Йервен. Ну, конечно, Бондесен уже присоседился. Он в вас влюбился, госпожа Карено. В этом нет никакого сомнения. Но не доверяйте ему, потому что его страсть длится только двадцать четыре часа. Она исчезает в один день.

Элина *(смеется).* Я постараюсь сделать так, чтобы она длилась дольше.

Бондесен. Благодарю вас.

Элина *(бросая взгляд на Карено).* Не знаю, за что вы меня благодарите.

Бондесен. За то, что вы так прекрасно ему ответили.

Элина. А! Я думала, за то, что хотела продлить вашу страсть.

Бондесен. Это не стоило бы вам большого труда.

Элина. Я думаю, вы все-таки из тех, кого трудно удержать.

Карено *(к Йервену).* Профессор вчера очень тепло отзывался о тебе.

Йервен *(коротко).* Да?

Карено. И хвалил твою диссертацию. Но он сказал, что... я его не совсем понял - о каком-то перевороте он тебе, о полном перевороте.

Йервен *(вздрагивает).* Переворот?

Карено. Он сказал, полный переворот.

Йервен. Какой переворот? Я не понимаю... Чтó он этим думал...

Карено. Я не успел спросить.

Йервен. Не знаю ни о каком перевороте.

Карено. Ну, разумеется. Вероятно, он имел в виду тон твоей работы. Изложение стало спокойнее.

Говинд. Надеюсь, другой перемены в тебе нет? Чтó, Карстен?

Йервен. Насколько я знаю - нет.

Говинд. Надеюсь.

Йервен *(раздраженный).* Не будем говорить об этом. Уф!

Бондесен. Вот видите. Он теперь не щадит самого себя.

Йервен. Впрочем, профессор Гюллинг, - не хочу об этом говорить; он либерален и гуманен. *(Обращаясь к Карено.)* Э... гуманен, чтó? Он так высоко ценит людей, видит в них, как он выражается, «начало добра», охотно выслушивает возражения: и готов с ними согласиться. Да, гуманен в высшей степени. Но он неинтересен.

Карено. Конечно, нет.

Йервен. Нет, он неинтересен. Критикует Гегеля, консервативную политику и учение о святой Троице, защищает женский вопрос, и всеобщее избирательное право, и Стюарта Милля. Вот он весь. Либерал в серой шляпе и без грубых ошибок.

Карено. Да, видишь ли, он принадлежит к другой школе.

Йервен *(с жаром).* Конечно. Он принадлежит к другой школе. К другому направлению. Он делает значительное лицо, и, судя по его книгам, ему все ясно. Это наглость - быть таким спокойным, как он, и, что́ бы ты ни говорил, мне все равно.

Карено. Я тебе вовсе не возражаю.

Йервен. Ах, нет? Мне показалось, что ты... Значит, нет..

Карено. Конечно, нет. Профессор Гюллинг и я, мы стоим на двух противоположных полюсах. Ты должен был слышать его вчера; он не очень церемонился с моей немецкой статьей. Он в ней камня на камня не оставил.

Йервен. А он не говорил о 1814-м годе?

Карено. Нет. Почему?

Йервен. Обыкновенно говорит. «Самое значительное явление после 1814 года»; - говорит и повторяет это в продолжение двадцати лет о каждой вещи.

Карено *(смеется).* Это верно. Я это тоже слышал.

Йервен. Ты видел его жену? Его последнюю жену, хочу я сказать. Тонка, как бочка.

Бондесен. Ты думаешь, - толста, как бочка?

Йервен *(оборачивается и смотрит на него).* Да, я думаю, толста, как бочка. Ты, Бондесен, человек логики. Если кто-нибудь скажет, что два и три - пять, ты непременно ответишь: «Нет, два и два - четыре».

Бондесен *(к Элине).* Ответьте ему еще раз за меня. Тогда он замолчит.

Элина. Если бы я действительно могла хорошо ответить.

Бондесен. Это вы умеете.

Элина. Тогда лучше я скажу это вам.

Говинд *(шутливо).* Может быть, мне уйти?

Элина. Нет, я ведь не скажу. (Бросив взгляд на Карено.) Я должна сперва узнать, что вы за человек.

Бондесен. Что́ я за человек? Это ведь вы видите. Я весь перед вами.

Элина. Я никогда не видела такой красивой булавки для галстука, как у вас.

Бондесен *(хочет ее вынуть).* Хотите ее взять себе?

Элина *(легко отталкивая его руку).* Нет, нет, нет. Вы с ума сошли. *(Резко отдергивает руку.)*

Бондесен. Вы обожглись?

Элина. Немного.

Бондесен. О, если бы!

Элина *(взглядывает на Карено).* Что́ вы этим хотите сказать?

Карено *(к Йервену).* Жена Гюллинга молодая женщина?

Йервен. О, тридцать лет. Она носит платья «реформ». Я ей сказал, что эти платья очень некрасивы. Знаете, что́ она мне ответила?

(Передразнивает ее.) «Я одеваюсь не для того, чтобы...» Нет, чорт побери, как это было?..

Элина. Фу, Йервен, не ругаться!

Йервен *(передразнивает).* «Я одеваюсь не для того, чтобы нравиться мужчинам, а для того, чтобы злить женщин». Не правда ли, она вся тут?

Карено *(смеется).* Она сказала, - чтобы злить женщин?

Йервен *(передразнивает).* Чтобы злить женщин.

Бондесен. Совсем не так глупо сказано - с ее точки зрения.

Йервен *(умоляюще).* Господь с тобою, Бондесен!

Бондесен *(добродушно смеется).* Видели ли вы такого тирана! Он не дает мне раскрыть рта.

Элина. Боже мой! Может быть, кому-нибудь угодно кофе? *(Не получив ответа.)* Больше у нас ничего нет.

Йервен. О, я с удовольствием выпью чашку кофе.

Карено. Моя жена права; к сожалению, у нас нет ничего, кроме кофе.

Бондесен. Но, Боже мой, кофе - это великолепно. Если, только это не доставит вам хлопот.

Элина. Ивар, открой дверь и попроси Ингеборг приготовить кофе.

Карено. Да. *(Уходит в кухню).*

Йервен *(рассматривает серебряные подсвечники).* Какие прекрасные вещи! Ты видела, Натали?

Говинд *(подходит).* Я все время на них смотрю. Это подарок?

Элина *(беспокойно смотрит на кухонную дверь).* Свадебный подарок... Нет, лучше я сама... *(Подходит к кухонной двери, приостанавливается, быстро отворяет и смотрит. Уходит.)*

Бондесен. Какая муха тебя сегодня укусила, Йервен?

Йервен. Ты должен говорить «доктор Йервен», когда обращаешься ко мне. Господин доктор Йервен.

Элина *(входит с Карено).* Чтó такое! Пропал на целых полчаса.

Карено. Я хотел зажечь, понимаешь? У Ингеборг не было, спичек.

Элина *(садится).* Да. Эти подсвечники нам подарили папа с мамой. Я их так люблю.

Говинд. Ну, разумеется.

Бондесен. Вы родились в деревне, г-жа Карено?

Элина. Боже мой, неужели это так сразу заметно?!

Бондесен. Ах, ничуть, но...

Элина. Мой муж постоянно называет меня «крестьяночка».

Карено. В самом лучшем смысле, да. В лучшем значении этого слова. *(Гладит ее по волосам. Ходит взад и вперед.)*

Бондесен. Конечно, я слышал, что вы из деревни.

Элина. Не могу себе представить, чтобы вы что-нибудь обо мне слышали, господин Эндресен.

Бондесен. Бондесен. Да, - я журналист и поэтому, видите ли, мне многое приходится слышать.

Элина. Да, я не сомневаюсь, что вы свое дело знаете.

Бондесен смотрит на нее и улыбается. Элина бросает взгляд на мужа.

Йервен. Послушай, Карено, кончится это когда-нибудь?

Карено *(останавливается).* Нет. О чем ты говоришь? Чтó кончится?

Йервен. Вот эта жизнь, разумеется. Иногда ведь туго приходится?

Карено. Да, не всегда идет гладко.

Йервен. Ты хочешь сказать: иногда и недурно. Значитъ, тебе живется не плохо?

Карено. Достаточно плохо. Но мы надеемся, что это только временно. *(К жене.)* Не правда ли, Ингеборг?

Элина *(привстает).* Ингеборг? Нет, действительно, вот уж...

Карено. Глупости! Я хотел сказать, - Элина. *(Ходит взад и вперед.)*

Элина. Бог тебя знает, чтó ты хотел сказать. *(Внезапно придвигается к Бондесену.)* Представьте, я слышу, как тикают ваши часы.

Бондесен. Надеюсь, я могу не отодвигаться.

Элина. Конечно, нет. Вы совсем не сидите так уж близко.

Бондесен. По всей вероятности, это вы слышите биение моего сердца. *(Элина, взглянув на Карено, приближает свое ухо к Бондесену и слушает; улыбается. Они смеются и разговаривают.)*

Йервен *(к Карено).* А я чувствую себя, видишь ли, как... словом, совсем невесело. Нет. Я хотел посмотреть, чтó будет, если я сам плюну себе в лицо. Это я и сделал.

Говинд *(встает и подходить к нему).* Что с тобой сегодня, Карстен?

Йервен. Чтó? Решительно ничего. Садись на свое место, Натали.

Говинд *(улыбается и возвращается на свое место).*

Йервен *(к Карено).* Вообще не зачем думать и писать для людей. К чему? Самое идеальное - это жить в девственном лесу полным идиотом, сидеть там и умереть с голоду, не имея ума настолько, чтобы догадаться встать.

Карено. Ты так говоришь?

Йервен. Представь: время бы шло, земля продолжала бы вертеться – сделайте ваше одолжение, вертитесь сколько вам угодно, хе-хе-хе, - а я не посвятил бы ее дурацкому движению ни одной мысли. Чтó мысли! Ни одного намека на мысль, слышишь? Мой мозг засох бы, как слепорожденный.

Карено. Н-да.

Йервен. Не надо родиться человеком, а надо быть вещью, предметом. Если бы меня остановили на улице и спросили про дорогу, я бы хотел иметь возможность ответить: «Не знаю. Спросите у другого фонаря».

Говинд. Карстен, ты слишком переутомился.

Йервен. *(продолжает).* Во всяком случае, я хочу вообще отказаться от философии. И ты сделай то же, искренно тебе советую, хе! Жить в этой проклятой стране Иафета, да еще думать за других! Скажи, на кой чорт людям нужны мысли? Разве без них они не могут разводить картофель и пачкать бумагу? Безнадежно ждать чего-либо от людей. Посмотри вокруг себя. Здесь два миллиона людей и все называются Оле.

Бондесен. Сегодня он в ударе.

Говинд. Я это, кажется, понимаю.

Элина *(качает головой).* Я, к сожалению, нет.

Бондесен. И *я* тоже нет, - слава Богу.

Элина. Давайте говорить о чем-нибудь более понятном.

Бондесен. Например, о том, что я готов сделать вам признание.

Элина. Господи, нет. Этого вы не должны делать. *(Громко.)* Вы не должны делать мне признание.

Бондесен. Но я...

Элина *(смеясь).* Фи, стыдитесь. И отодвиньтесь, пожалуйста.

Бондесен. Вы меня не поняли. Это очень невинное признание.

Элина. Правда?

Бондесен. Я хотел вам признаться, что и вас я не совсем понимаю. Не больше, чем Йервена. В вас есть что-то, что поражало мена во все время нашего разговора.

Элина. Вот как?

Бондесен. Иногда вы смеетесь и веселы, и тогда вы становитесь совсем молодой, совсем...

Элина. Да?

Бондесен. Но иногда вы как будто о чем-то задумываетесь и тогда странно оглядываете всю комнату. Не знаю, куда вы смотрите тогда.

Элина *(крайне заинтересованная).* Что́ же дальше?

Бондесен. У вас вот расплачетесь.

Элина *(некоторое время сидит неподвижно, потом взволнованно встает и отходить).*

Говинд *(к Йервену).* Ты устал, Карстен.

Йервен *(отрицательно качает головой).*

Говинд. Почему же ты так бледен?

Йервен *(качает головой).*

Карено *(обнимая жену).* О чем ты вдруг замечталась, Элина?

Элина *(коротко).* Ни о чем. *(Возвращается к Бондесену; пересиливая себя.)* Вы больше не должны так говорить. Я там стояла и до слез хохотала над вашими словами.

Бондесен. Жаль, что не здесь.

Элина. Почему?

Бондесен. Я бы тогда увидел паши белые зубы.

Элина *(улыбаясь).* Вы находите, что у меня белые зубы?

Йервен. Я знаю, Карено, что́ ты задумал. Ты хочешь отозвать в сторону Бондесена и спросить, что́ со мной сегодня? Не выпил ли я немного?

Карено *(остановившись).* Нет, я не...

Йервен. Я ничего не пил. Я взволнован.

Карено. Но, дорогой мой, никто и не думает, что ты пьян.

Йервен *(улыбаясь).* Конечно, нет. Разумеется. Давай, старый дружище, потолкуем. Или тебе, кажется, вовсе не хочется со мной говорить?

Карено *(подходить к нему, смеется).* Мне не хочется? Послушайте, господин Бондесен, не выпил ли он чего-нибудь в самом деле?

Йервен. Ни капли. Но, видишь, я так неизмеримо рад. Так необыкновенно весел.

Карено. Собственно, я этого не вижу. Хотя у тебя и нет причин горевать.

Йервен. Конечно, нет. Впрочем, не будем об этом говорить. Профессор Гюллинг не пробовал вчера совратить тебя с пути истины?

Карено. Он давал мне добрые советы. Несколько добрых советов - как он выражается.

Йервен. Да, я знаю добрые советы профессора Гюллинга. Если он является с этим, то только затем, чтобы поколебать в другом какое-нибудь благое намерение. Это ведь ясно.

Карено. Слышишь, Элина? Йервен тоже так думает.

Йервен *(возбужденно).* Подумать только, что этого субъекта произвели в гении. Он копается во всевозможных полезных книжках и говорит: «Смотрите, вот это замечательно. Здесь можно поучиться уму-разуму». И когда кончает с одной книгой, говорить: «Дайте мне следующую, из которой я мог бы набраться еще немного ума». И читает следующую. Нет, гений - это не прилежание. Гений - это искра, это - Бог!

Говинд *(сияя).* Слышите, как он говорит! Искра, Бог!

Бондесен. Ты несправедлив к профессору Гюллингу. У него и за границей большое имя.

Йервен. Да, конечно. Т. - е. большого имени у него нет. *(Смотрит на Бондесена.)* Да ни черта ты в этом не понимаешь.

Элина *(качает головой).* Опять ругается!

Бондесен. Я не согласен с ним в его взглядах, - разумеется, на политику, но мне часто приходится упоминать о нем в газете. Например, когда он женился вторично, я тотчас же сообщил о месте и времени его бракосочетания. И что же? Когда новобрачные выходили из магистрата, их и приветствовала довольно большая толпа народу. О, профессор Гюллинг, конечно, заслужил это.

Йервен *(смотрит на Карено, улыбаясь).* Он говорить вполне серьезно. Я в этом уверен.

Элина *(к Бондесену).* Это было очень любезно с вашей стороны. Его, действительно, все ждали и приветствовали?

Бондесен. Да. Профессора Гюллинга все знают.

Йервен. Ты прав, Бондесен. Если б о нем своевременно не заговорили газеты, он остался бы в неизвестности. Но явились услужливые люди, явился ты, вы писали о нем заметки, упоминали о нем, раздували, рекламировали его, пустили в ход, - и вот он гений!

Бондесен. Я нахожу, что всеобщее уважение, которым пользуется профессор Гюллинг, могло бы заставить тебя отнестись скептически к твоему собственному мнению.

Йервен. Напротив. Это и внушает мне недоверие к его мнениям.

Карено *(утвердительно кивает головой).*

Бондесен. Странно.

Элина. Да, странно.

Йервен. До тех пор, пока талантливый человек высоко держит голову и не сгибает спины, его либо замалчивают, либо нападают на него. Разумеется, если он что-нибудь собой представляет. Но как только он начинает сдаваться, опускает голову и признает себя побежденным, тотчас же отношение общества меняется; печать становится доброжелательной, сочувственной, все благородно стараются защитить его, в нем находят заслуги. Так создается всеобщее уважение.

Говинд *(увлеченная).* Как он прекрасно говорит! *(Идет к письменному столу и становится возле Карено.)*

Бондесен. Смешно, что я должен здесь защищать человека, который даже не принадлежит к моей партии.

Элина. Это очень благородно с вашей стороны.

Йервен. Сделай милость, возьми другого старого профессора. Если только такой найдется в правом лагере.

Бондесен *(к Элине).* Он уверен, что это остроумно.

Йервен. Возьми их всех, если хочешь. Все профессора - самые допотопные люди. Стоит им заметить, что кто-нибудь из молодых стремится к чему-то другому и что он одарен благородным упрямством настолько, что может добиться своего, - они тут как тут. Сначала идут добрые советы, потом - игнорирование, потом - противодействие, и наконец применяется сила. Берегись, Карено; ты рассердил одного из почтенных холопов.

Карено. Я очень тебе благодарен, Йервен. Ты как будто подслушал мои собственные мысли. *(Подает ему руку.)* Давно я не имел такой поддержки.

Элина. Йервен не знает наших обстоятельств.

Карено *(улыбается, тронутый).* Я откровенно признаюсь, что в настоящее время наши дела очень плохи. Мы так бедны, что скоро у нас не будет спасения. Мы ждем судебного пристава. Завтра или послезавтра нас опишут, если только я не найду какого-нибудь исхода. Но у меня есть надежда, и во всяком случае я не пойду ни на какие сделки.

Бондесен. Это зависит от того, не надо ли с чем-нибудь считаться. Нет ли каких-нибудь обязанностей.

Элина *(кивает головой).* Разумеется.

Говинд. А я согласна с господином Карено.

Бондесен. С этим вашим благородным упрямством больше теряют, чем выигрывают.

Карено *(не слушая его, к Йервену).* Ты вполне выразил мои собственные чувства. *(Оборачивается.)* Я только хочу сказать, Элина, что, если профессор Гюллинг опять придет, я его не приму.

Бондесен. Лучше не делать этого. Не так уж плохо иметь поддержку в лице профессора Гюллинга. *(Улыбаясь.)* Но вы, философы, все одинаковы. Если вам что-нибудь придет в голову, вы уже ни с чем не считаетесь. Мы, простые смертные, мы должны сообразоваться с обстоятельствами; если же не везет, то, откровенно говоря, мы должны прибегнуть к чужой помощи, к помощи сильных мира сего. Это неизбежно.

Йервен *(нагибается, прислушиваясь).* Это ты, Эндрэ Бондесен, говоришь: «помощь сильных мира сего»?

Бондесен. Ах, не придирайся! Можно же сказать, что думаешь. Конечно, очень эффектно быть свободомыслящим и скептиком, и прочее; но в конце концов этого мало. Это не дает удовлетворения. Я знаю по опыту.

Элина. Не правда ли? Я то же самое много раз говорила Ивару, но он не обращает на это внимание. Вероятно, он и в Бога не верит.

Карено *(прислушиваясь).* Мне показалось... Мне показалось, что стукнула калитка.

Говинд. Мне тоже послышалось.

Карено (беспокойно). Кто же это может быть - так поздно?

Элина *(к Бондесену).* Как верно все, чтó вы сказали. Я рада, что мы одного мнения. Это так, я чувствую.

Ингеборг *(входить из кухни).* Какой-то человек просит барыню.

Элина. Меня? Человек? Ах, да, я знаю. Но почему так поздно? *(Уходить за Ингеборг.)*

Говинд. Говори еще, говори еще, Карстен. Ты так прекрасно говоришь. О, ты непоколебим! Ты говоришь: Рррр!

Элина *(входить).* Я должна его позвать сюда. Но ты, Ивар, не должен его видеть. Ты должен уйти.

Карено. Я должен уйти?

Элина. На минуту в спальню. Прошу! *(Хочет выпроводить.)*

Карено. Чтó за странный каприз!

Элина *(нетерпеливо).* Боже мой, иди же, слышишь? На минутку.

Карено. В спальню? Там темно и никого нет. *(Сопротивляясь, уходить.)*

Элина *(запирает за ним дверь на ключ. Быстро объясняя).* Дело в том, что Ивару на днях исполняется двадцать девять лет.

Остальные. А!.. .

Элина. И вот принесли подарок. Я кое-что придумала. Но Бог весть, подойдет ли это?

Йервен. Кисет для табаку, конечно?

Элина. Нет. *(Насмешливо.)* Кисет для табаку - Ивару! Нет; я знаю, ему нужно что-нибудь необыкновенное. Пришел человек, который должен здесь кое-что посмотреть. Там наверху крючок. Видите? *(Показывает на заднюю дверь.)* Он остался с того времени, как здесь жил поэт Иргенс.

Говинд. Да, я вижу.

Элина. Мне хочется сделать Ивару сюрприз и повесить там что-нибудь. Я придумала - птицу. Вероятно, крючок для этого и был вбит раньше.

Йервен. Птицу? Т. - е. чучело птицы?

Элина. Да, чучело птицы. Разве это глупо? *(Короткое молчание.)*

Бондесен. Я нахожу, что это великолепная мысль.

Элина *(недоверчиво).* Вы находите?

Бондесен. Да, я это нахожу.

Элина *(искренно).* Милые! Вы не должны смеяться надо мной. Я так хотела сделать ему сюрприз, но ничего не могла придумать. Собственно говоря, птица - не подарок. *(Уныло смотрит.)*

Бондесен. Но это, действительно, превосходная мысль.

Говинд. Я тоже нахожу, что это очень мило.

Элина *(подавленно).* Нет, вы этого совсем не находите. *(Отпирает дверь в кухню и зовет тем же тоном.)* Войдите, пожалуйста.

Чучельный мастер *(входить, несколько раз кланяется).*

Элина. Благодарю вас, что пришли.

Чучельный мастер *(кланяется).* Прошу простить, если помешал.

Элина *(указывает).* Я думаю, лучше всего повесить сюда.

Чучельный мастер. Там наверху? Хорошо.

Элина. Вам не кажется, что здесь тоже висела птица?

Чучельный мастер *(осматривая).* Да. Там висело чучело большой птицы.

Элина. Так что совсем не будет странно, если мы туда опять повесим птицу. Как вы думаете, Йервен?

Йервен *(у письменного стола рассеянно играет ножницами).* Я думаю, что там раньше висело чучело птицы. Без сомнения. Во времена поэта Иргенса. *(Кладет ножницы и медленно подходить к остальным.)*

Элина. Я совсем не о том спрашиваю. Я лучше буду говорить с вами, господин Эндресен.

Бондесен. Бондесен.

Элина. Ах, простите! Постараюсь запомнить.

Йервен. Ничего, госпожа Карено; называйте его, как хотите. Называйте его Эндресен, он заслужил это и еще другие названия.

Чучельный мастер. Какую же птицу повесить? Скажем, орел?

Говинд. Конечно, орла.

Элина. Нет, ради Бога, что-нибудь поскромнее. Нет, я знаю, он не хочет орла. «Я не орел», - сказал он. Как вы думаете, господин Бондесен?

Бондесен. Н-да. Я не знаю его вкуса, но...

Элина. Голубь тоже не подходить. Т.-е. к нему. Я думаю, сокол.

Чучельный мастер *(кланяется). Я* только что хотел предложить сокола.

Йервен. Вы набиваете чучела птиц?

Чучельный мастер *(кланяясь).* Да, это мое ремесло.

Йервен. Это, вероятно, довольно трудная профессия.

Чучельный мастер. Искусство и ловкость. Конечно, работа должна быть тонко сделана.

Йервен. Надо стараться придать этим чучелам естественный вид.

Чучельный мастер. Как у настоящих птиц, да. Как у живых птиц. Надо набить им грудь, придать гордую осанку, :вставить глаза, сообщить характерное выражение и дать им такое положение, чтобы казалось, что они сейчас полетят.

Йервен. Скажите, чем вы набиваете такую птицу?

Чучельный мастер. Пенькой, паклей. Один употребляет одно, другой - другое. Но без пакли никто не обходится.

Йервен. Я скоро приду к вам и закажу себе такую птицу.

Говинд. Ты?

Чучельный мастер *(кланяется).* Очень рад. Такая птица может заменить общество. Она стоит, как человек, и думает.

Йервен. Молча и глубокомысленно думает о разных вещах, да.

Чучельный мастер. Я могу устроить так, что в случае надобности они говорят. Стоит только нажать.

Йервен. Да? Я хочу такую, которая бы говорила.

Чучельный мастер. Научить их говорить IIо-человечески невозможно. Они издают только один какой-нибудь звук. Я так привык к ним, что могу предать этому звуку любой смысл. Тогда это доставляет очень много удовольствия.

Элина *(которая все время пыталась говорить).* Итак, остановимся на соколе. Вы сказали, что у вас уже есть готовый.

Чучельный мастер. Он у меня в мастерской.

Элина. С распростертыми крыльями?

Чучельный мастер *(утвердительно кивает).* С распростертыми крыльями.

Элина. Прекрасно. Но вы должны принести утром.

Чучельный мастер. Будет исполнено. (Идет к двери. Йевену.) Если вам будет угодно приобрести птицу, то…

Йервен *(мрачно).* Я зайду.

Элина. Но не забудьте: крылья должны быть распростерты.

Чучельный мастер. У меня есть готовый и есть и другие. Крылья развернуты, как при полете. *(Несколько раз кланяется.)* Добрый вечер. Надеюсь, господа извинят. *(Уходит.)*

Элина. Добрый вечер. (Открывает дверь в кухню; ним.) Я вам сейчас заплачу́. *(Уходит.)*

Йервен. Почему ты не подал руки своему коллеге, Бондесен?

Бондесен. Какому коллеге?

Йервен *(указывая движением головы на кухню).* Вот этому.

Бондесен *(к Говинд).* Это опять была острота.

Слышно, как К а р е н о стучит в дверь спальни.

Говинд. Ты совсем забыли выпустить господина Карено. *(Подходить и открывает).*

Карено *(входить; осматривается).* Хотелось бы знать, что́ вы здесь делали?

Бондесен. Н-да, если бы вы знали! *(Садится.)*

Э л и н а входит.

Карено *(жене).* Я спросил, что́ здесь делали, и мне никто не отвечает.

Элина. Так и нужно. Тебе нельзя знать. *(Проходит мимо него и садится.)*

Карено. Значитъ - тайна! Это другое дело.

Говинд *(внезапно подбегает к нему и берет его за руку).* Ах, бедный! Мы действительно жестоки к нему.

Карено *(улыбаясь).* Вы? О, нет.

Говинд. Но вы не должны огорчаться, мы сделали это без злого умысла.

Элина *(бросив на нее взгляд).* Господи, теперь эта начинает!

Бондесен (наклонившись вперед, прислушивается). Вы что-то сказали?

Ингеборг *(войдя).* Подать кофе?

Элина. Да, пожалуйста.

И н г е б о р г уходит.

Элина *(к Говинд).* Может быть, вы сядете с нами? Если только вам не трудно расстаться.

Г о в и н д садится около них.

И н г е б о р г входить с кофе, все садятся вокруг круглого стола,

и каждый получает чашку.

Элина *(к Ингеборг).* Спасибо, Ингеборг, можешь идти. *(К Карено после ухода Ингеборг.)* Не понимаю, зачем она здесь, стоить и таращит глаза.

Карено и Йервен уходят со своими чашками к письменному столу.

Йервен *(искусственно-весело).* Ты что-то сказал, Бондесен?

Бондесен. Нет.

Йервен. А мне показалось, что ты предложил мне сигару.

Бондесен. Сигару ты можешь получить, если только дамы разрешат курить. *(Предлагает желающим портсигар.)*

Карено. Ради Бога простите, что не могу вам предложить сигар. Вот огонь, Йервен. *(Дает Йервену закурить, закуривает свою трубку и прячет спички в карман. Ходит взад и вперед).*

Элина. Разве ты не видишь, Ивар, что другие также хотят закурить?

Карено *(не слышит).*

Элина *(Бондесену).* Он ничего не видит и не слышит.

Бондесен. Пожалуйста. Я могу закурить здесь. *(Встает и закуривает о лампу.)*

Элина. Ай, не обожгитесь.

Бондесен *(закуривая).* В вас говорит совесть?

Элина. Почему?

Бондесен. Потому что вы не хотите, чтоб я обжегся еще сильнее.

Зли на. Не понимаю. Я такая бестолковая.

Бондесен. Прежде вы не соблюдали такой осторожности. Вы сидели здесь и с величайшим хладнокровием, превращали меня в пламя.

Элина *(смеется).* И вы с величайшим хладнокровием горели?

Бондесен. Вы ошибаетесь.

Элина. О, нет. Садитесь, господин Эндресен.

Бондесен. Вы даже не можете запомнить моего имени. *(Садится.)*

Элина. Ах, простите. Теперь я уж запомню.

Бондесен. Как вы искренно это сказали. Вы улыбнулись. И ваши губки были красны.

Элина *(становится внимательной, смотрит на него; с жестом беспокойства).* Давайте говорить о другом. *(К Йервену.)* Мне кажется, Йервен, у вас изменилось настроение. Вы были так оживлены.

Йервен *(с ножницами в руках).* Я? Я думаю.

Элина. Да, думаете, но...

Йервен. Молча и глубокомысленно думаю о разных вещах.

Элина. Но, когда вы пришли, вы сказали, что весело.

Йервен *(неожиданно).* Ну да, почему же мне не быть веселым? Само собой. *(Резко бросает ножницы на стол и чокается чашкой с Карено.)* Твое здоровье, Карено.

Карено. Твое здоровье. *(Пьет; показывает ему несколько журналов в светлых обложках.)* Ты читал?

Йервен. Не спрашивай, что́ я читал. Я ничего не читал. Я больше ничего не буду читать.

Говинд. Карстен! Ты так странно отвечаешь.

Карено *(берет журналы).* Кое-что здесь не так глупо. Последние новости. Мне кажется, это тебе пригодилось бы для твоей докторской диссертации.

Йервен *(делает несколько резких шагов, останавливается).* Ты второй раз говоришь об этой диссертации, Карено. Я не понимаю, чего ты хочешь. Ты как будто меня в чем-то подозреваешь.

Карено. Подозреваю? *(Удивленно оглядывает остальных.)* Нет, как вам это нравится?

Йервен *(с возрастающим волнением).* Если тебе угодно знать, диссертация кончена. Она уже отпечатана, и сегодня я получил за нее гонорар. Вот он. *(Крепко ударяет себя по боковому карману.)* Что́ ты еще хочешь знать?

Говинд *(подходит к нему).* Карстен, Карстен! *(К Карено.)* Нет, он положительно нездоров. *(К Йервену)* Милый Карстен, скажи мне что́ с тобой? *(Обнимает его.)*

Карено. Я перестаю его понимать.

Йервен *(освобождаясь).* Сегодня ты должен меня простить. Видишь ли, Я прощаюсь с тобой. *(Подходя к столу.)* Еще раз, за твое здоровье, Карено. Да здравствует практическое благоразумие!

Карено. С радостью, если это тебе доставляет удовольствие. *(Чокается с ним.)*

Йервен. Да, мне это доставляет удовольствие. И да здравствует презрение к самому себе. Да здравствует пенька, пакля и набивка. *(Его голос обрывается, он роняет чашку на пол).*

Говинд. Но что́ с тобой? *(Все смотрят на него.)*

Йервен *(смотрит вниз на чашку. Спокойно).* Этого я не должен был делать. *(К Карено.)* Но это больше не повторится.

Говинд. Ты переутомился. Я уверена, что это потому.

Йервен. Больше всего жаль кофе. *(Устало улыбается.)* Я хотел сказать маленькую речь. Я так хорошо начал ее, но... Простите, госпожа Карено.

Элина. Я вам дам еще кофе. Может быть, кто-нибудь еще хочет кофе? *(Не получив ответа, уходит на кухню.)*

Йервен. Ты так смотришь на меня, Карено, точно я какое-то чудо.

Карено. Сегодня вечером ты сам не свой.

Йервен *(холодно).* Я такой же, как всегда, по крайней мере сейчас. *(Нервная судорога сводит его руку.)*

Бондесен. Я думаю, нам пора.

Йервен. Уходить? По-моему, нет.

Бондесен. По-моему, хоть совсем не уходить.

Йервен. Садись, Натали.

Элина *(вносит кофе).* Прошу. Вам лучше?

Йервен *(смеется).* Да, теперь лучше. Вы все думаете, что мне стало дурно. Я уронил чашку - вот и все.

Элина. Не сто́ит об этом говорить. Не хочет ли кто-нибудь пойти на веранду? Оттуда можно услышать шум города.

Говинд. Да, пойдем на веранду.

Бондесен *(поднимаясь).* И МНt можно?

Э л и н а, Г о в и н д и Б о н д е с е н уходят на веранду и затворяют за собою дверь.

Йервен. Послушай, Карено, я... ты ведь не обидишься, если л тебе кое-что скажу? Тебе сейчас нужны деньги; я могу тебе одолжить.

Карено. Чтó?

Йервен. Я могу тебе одолжить их. *(Берется за карман.)* Ты сейчас в затруднении, а я нет. *(Вынимает пачку бумажек из конверта.)* Это гонорар, который я сегодня получил. *(Считает.)*

Карено. К чему ты вытащил все эти бумажки?

Йервен. Я хочу их дать тебе. Без глупостей, пожалуйста.

Карено *(останавливая его).* Ты с ума сошел. Я убежден, что и тебе самому нужны деньги.

Йервен. Мне они теперь не нужны, говорю же тебе. *(Считает.)* Ведь надо помогать друг другу немного. По крайней мере я избавлю тебя от описи. *(Придвигает к нему деньги.)* Пожалуйста, сосчитай сам.

Карено *(в волнении).* Это серьезно, Йервен?

Йервен. О чем же тут думать? Может быть, ты полагаешь, что это нечестные деньги? Что я за них продал себя?

Карено. Чтó ты говорить?

Йервен. Я ведь не знаю, чтó ты там вообразишь!

Карено. Я не совсем понимаю. Но если бы ты мог обойтись без них... Потому что завтра должен явиться судебный пристав. Они придут и опишут все, это так же верно, как то, что я стою здесь. Тогда мы должны выехать.

Йервен *(придвигает к нему деньги).* Возьми, я тебе говорю.

Карено. Половины этого совершенно достаточно, чтобы заплатить все долги.

Йервен. Ну, это неправда.

Карено. Господь с тобой! Я надеюсь, у меня никогда не будет такого большого долга.

Йервен. Хорошо. Скажем, половину. *(Отсчитывает половину и прячет остальное в карман).* И больше ни слова об этом.

Карено. Я тебе их верну, когда... Ты знаешь, я написал уже три четверти книги, и ты получишь, как только...

Говинд *(входит, ежится).* У! Как там холодно! *(Оставляет дверь открытой.)*

Йервен *(тихо).* Спрячь деньги.

Карено. Спасибо, спасибо, Йервен. *(Стоит с деньгами в руках.)*

Э л и н а и Б о н д е с е н входят.

Элина *(к Говинд).* Вы вдруг исчезли?

Карено. Знаешь, Элина, что сделал Йервен?

Йервен. Пст!..

Карена *(показывая деньги).* Посмотри, как я разбогател! Это мне одолжил Йервен.

Элина. Не может быть.

Карено. Ну да. Но он ничего не хочет слышать. Я знаю, что ему самому нужны деньги.

Йервен. Господи! Скажи ты ему, Натали. *(Вырывает у Карено деньги и сует их в его боковой карман.)* Так.

Элина. Это совершенно неожиданная помощь.

Говинд *(быстро подбежав, обнимает Йервена).* Прекрасно, прекрасно, Карстен. Так нужно.

Йервен *(освобождаясь).* Не будем так волноваться. Не понимаю, чего ради мы стоим и смотрим друг на друга. Даже ты, Бондесен, осмелился что-то подумать.

Бондесен. Нет. Что́ же мне думать?

Йервен. Да, ты меня раздражаешь. Ведь я не украл этих денег. И не продал себя. Я еще свободный человек, смею я думать.

Бондесен. Да, но очень неприятный, надо тебе отдать справедливость. Хе-хе-хе! Это уж верно. Хе-хе! *(Берет со стола журналы.)* Вы об этих журналах говорили, господин Карено?

Карено. Я охотно могу их вам одолжить, если угодно.

Бондесен. Премного благодарен; вы угадали мое желание. Я хотел бы немного проследить этот вопрос. *(Прячет журналы в карман своего пальто; обращается к Элине.)* Я завтра верну их.

Элина. Что́?

Бондесен. Журналы. Я взял до завтра несколько журналов. Когда ваш супруг бывает дома?

Элина. Это очень, неопределенно.

Бондесен. Хорошо; я их принесу.

Э л и н а и Б о н д е с е н садятся на прежнее место.

Бондесен. Вы не озябли на веранде?

Элина. Озябла? Нет. Я никогда не зябну.

Бондесен. Вам всегда тепло?

Элина. Да. Если только вы этим ни на что не намекаете.

Бондесен. А если намекаю?

Карено *(стоявший в раздумье).* По крайней мере, позволь тебя поблагодарить, Йервен. *(Берет его руку и долго не выпускает).*

Говинд. Я никогда не видела, чтобы так искренно благодарили.

Карено *(улыбаясь).* Действительно не видели?

Говинд. Я бы тоже хотела оказать вам маленькую услугу, если бы могла.

Элина. Господи, какая кокетка! Посмотрите, как она пристает к моему мужу.

Бондесен. Кто? Фрекен Говинд?

Элина. Вы ее знаете?

Бондесен. Очень мало. А что?

Элина. Она вам нравится?

Бондесен. О, да. Конечно. А вам нет?

Элина. Нет. Я вообще не люблю женщин. Я их не выношу, - говорю, что чувствую. *(Улыбается и смотрит на него.)* Господи, я, кажется, за все время не сказала ей ни одного слова.

Бондесен. Да, но не зовите ее теперь сюда.

Элина. Я это именно и хотела сделать.

Бондесен *(умоляюще).* Не теперь. Не сейчас. Потому что тогда я не смогу говорить с вами.

Элина. Мы будем говорить глазами. (Зовет.) Фрёкен Говинд. Вы ушли от нас.

Говинд *(подходит).*

Бондесен. Я успел уже надоесть госпоже Карено.

Элина. Я вам отвечаю взглядом.

Йервен. Да, вот что́, Карено; я захватил для тебя экземпляр моей диссертации. *(Ищет в пальто и достает книгу в темном переплете; его руки немного дрожат.)* Лучше дать тебе ее теперь, пока ты в хорошем расположении духа. Все равно завтра или послезавтра ты ее прочтешь. *(Кладет книгу на стол.)* Я ее положу сюда.

Карено *(хочет подойти в взять книгу).*

Йервен. Нет, не теперь. *(Кладет на нее пресс-папье.)*

Карено. Да, да. Очень благодарен.

Йервен. Но отнесись к ней снисходительно.

Карено *(смеется).* Я уверен, что она не нуждается в снисхождении.

Йервен *(пристально смотрит на него: повторяет).* Отнесись снисходительно.

Бондесен. Послушайте, какой торжественный тон! Они говорят: «снисходительно».

Говинд. Простите. *(Проходя мимо г-жи Карено).* Пожалуйста, сидите. *(Становится возле Карено и смотрит то на него, то на Йервена.)*

Элина *(следит за ней глазами).* Она снова там.

Бондесен. А мы останемся здесь.

Элина. Хорошо, останемся здесь. *(Быстро придвигает свой стул к Бондесену.)*

Бондесен. Теперь у вас опять такой вид, как будто вы готовы заплакать.

Элина *(с деланной веселостью).* Нисколько. А теперь, пожалуйста, рассказывайте что-нибудь.

Бондесен. Вы часто бываете зимою в театре?

Элина. Я в театре? Почему это вас интересует?

Бондесен. Я думал, что если бы вы захотели… У меня есть билет. У меня всегда бывают билеты.

Элина *(громко).* Вы хотите меня взять с собой в театр? Все равно, хотя бы и на галерею. Я уж не помню, когда испытывала это удовольствии.

Карено *(тихо жене).* Послушай, Элина, - Ингеборг, неверно, еще не легла. Не может ли она теперь пойти спать?

Элина *(смотрит на него секунду).* Конечно, почему же нет? *(Захваченная мыслью, обращается рассеянно к Бондесену.)* Да, если бы вы дал мне билет… *(Внезапно встает.)* Я сама скажу Ингеборг. Если это так необходимо. *(Поспешно проходит мимо Бондесена, говорит тихо в кухонную дверь; возвращается.)*

Говинд и Йервен *(говорят между собой; ищут свои пальто).*

Карено. Неужели вы уже уходите? Куда вы спешите? Я только думал, что Ингеборг…

Говинд. О, пора.

Элина. Как, вы уже уходите? *(К Бондесену, который тоже поднялся.)* Вы тоже? *(Бросив взгляд на Карено.)* Ах, я забыла. Вы умеете гадать? *(Протягивает ему руку, ладонью вверх.)*

Бондесен *(берет ее руку, рассматривая, пожимает).* Нет, этого я не умею…

Элина *(громко).* Это неважно. Я сказала только для того, чтобы вы взяли мою руку. У вас такие теплые руки.

Йервен. Вот твое пальто, Бондесен. *(Подает ему пальто.)*

Элина. Подумайте, он вас отрывает от меня. *(Помогает Бондесену надеть пальто.)* Так. *(Прощаются.)*

Йервен *(отводит Карено в сторону. Умоляюще).* Не забудь, Карено: будь снисходителен к моей книге. Прошу тебя, дорогой.

Карено *(шутливо).* Буду снисходителен, насколько возможно. *(Серьезно.)* Перестань меня дурачить.

Все уходят через заднюю дверь, которая остается открытою; слышно, как гости еще раз прощаются. Э л и н а входит. Ставит чашки на поднос. Слышен стук калитки. Входит К а р е н о.

Карено *(обнимает жену).* Вот мы опять одни.

Элина *(молчит).*

Карено *(вынимает деньги из кармана).* Элина. Вот спасенье, - посмотри.

Элина. Тебе было весело?

Карено *(прячет деньги).* Да, но Йервен был такой странный… Скажи, ты его поняла?

Элина. Нет. Я о нем и не думала.

Карено. Он показался мне совсем другим, чем всегда. Но он очень добрый человек. Он дал мне денег взаймы… Одну лампу можно потушить. *(Тушит.)* Впрочем, я ее сейчас налью; возможно, что мне опять придется сидеть всю ночь и работать.

Элина *(огорченная).* Нет, не делай этого.

Карено *(весело).* Элина, право, мне совсем не хочется спать. *(Потирая руки.)* Я в таком прекрасном расположении духа. Ты это видела? *(Вынимает кредитные билеты и рассматривает их.)* Первое, чтó я сделаю – с утра пойду к судебному приставу и уплачý. *(Прячет деньги и обнимает ее.)* Ты притихла, Элина.

Элина. Зато ты, кажется, необыкновенно оживлен.

Карено. У меня на это есть основание.

Элина. Необыкновенно оживлен. Я уверена, что в глубине души ты возмущаешься мною; но не хочешь этого показать.

Карено. Почему мне возмущаться тобой?

Элина. Если ты находишь, что я сегодня слишком много говорила с Бондесеном, то скажи мне прямо.

Карено *(удивленно смотрит на нее, качает головой).* Сегодня я никого не понимаю. И ты становишься какой-то странной. Почему я могу находить, что ты с Бондесеном слишком много говорила? Разве он позволил себе что-нибудь?

Элина. Да, может быть, я действительно обращала на него слишком много внимания. Я сознаюсь. Он мне понравился; у него удивительная способность так… Ты заметил, как изящно он был одет?

Карено. Кто? Бондесен? Нет; я почти на него не смотрел. Разве он был изящно одет?

Элина. Вот как. Ты даже не смотрел на него!

Карено. Да, разумеется, я посмотрел на него. Даже несколько раз. Я заметил, что он был очень изящно одет, конечно. Если ты это находишь. Ну, да он должен так одеваться, потому что он постоянно бывает на людях… Пока я не забыл, надо налить лампу. Ингеборг, верно, уже легла. *(Берет книгу Йервена, и рассматривает переплет.)* Во какую книгу написал этот Йервен. Я заранее разуюсь тому, что буду ее читать. *(Кладет книгу на стол, уходит в кухонную дверь, которая остается открытой.)*

Элина *(устало падает на стул).*

Карено *(входит с жестянкой для керосина).* Ты бы легла, Элина. Уже поздно.

Элина. Мне показалось, что Бондесен тебе не понравился. Мне кажется, ты его возненавидел за то, что он так много говорил со мной.

Карено *(наливает лампу).* Нисколько. Этого недоставало! *(Смеется.)* Подумай: возненавидел!

Элина. А когда ты предложил Йервену спичку, чтобы зажечь сигару, ты Бондесену не дал. Разве ты сделал это не нарочно?

Карено. Я это сделал? Я не дал ему спичек? Разве он не курил?

Элина. Он закурил о лампу.

Карено. Это, действительно, было невежливо с моей стороны. Но он не обиделся. А потом я ему одолжил журналы. *(Уносит жестянку, оставляет дверь открытой.)*

Элина *(встает, ломает руки; подавленно).* Нет! Тут ничто, ничто не поможет. *(Разражается слезами.)*

Карено *(из кухни).* Чтó ты говоришь?

Элина *(не отвечает).*

Карено. Мне показалось, ты что-то сказала.

Элина *(овладевая собой).* Я сказала: покойной ночи. *(Медленно направляется в спальню.)*

Карено *(входит).* Да, ты права. Ложись, Элина. Я думаю еще немного поработать, но сперва почитаю книгу Йервена.

Элина (*медленно уходит).*

Карено (*садится у письменного стола, прибавляет света в лампе, берет книгу Йервена и читает. На его лице появляется выражение все усиливающегося изумления. Раскрывает книгу в середине; читает).* Нет, - но!.. *(С возрастающим волнением перелистывает и читает то здесь, то там.)* Нет, он изменил! Йервен изменил! *(Вскакивает, бегает по комнате, снова заглядывает в книгу.)* Предатель!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Следующее утро. Комната Карено. Одна лампа догорела и потухла. Другая догорает. Дневной свет. *К а р е н о* *сидит за работой, бледный и усталый.*

Карено *(встает, отворяет кухонную дверь и зовет).* Ингеборг! *(Услышав ответ.)* Пожалуйста, на минута.

Ингеборг *(входит).*

Карено. Ты можешь сейчас сходить по одному делу?

Ингеборг. Да.

Карено. Отнеси ему это письмо. *(Берет со стола заготовленное письмо.)* Можешь идти так.

Ингеборг *(протягивает руку).*

Карено. Подожди. Я вложу деньги. Смотри. *(Вкладывает пачку кредитных бумажек и заклеивает конверт.)* Он вчера забыл здесь эти деньги.

Ингеборг. Хорошо*. (Протягивает руку.)*

Карено. Ты его вызовешь и отдашь письмо в собственные руки. Ты это сделаешь?

Ингеборг. Да. *(Берет письмо.)* Потушить лампу? Уже совсем светло.

Карено. Разве? *(Тушит лампу, идет к двери на веранду, отдергивает гардину; врывается солнечный свет. К Ингеборг, которая хочет ему помочь.)* Нет, ты иди. Письмо у тебя?

Ингеборг. Да. *(Идет по направлению к кухне).*

Карено. Подожди немного, Ингеборг. Если Йервен тебя о чем-нибудь спросит... Если он спросит, велел ли я ему кланяться, ты можешь сказать: да, я велел ему кланяться.

Ингеборг. Да.

Карено. Но если он не спросит, то ничего не говори.

Ингеборг. Нет, нет. *(Уходит.)*

Слышен стук калитки.

К а р е н о *садится снова за работу, перелистывает свои бумаги, книгу. Опять стук садовой калитки. Вслед затем раздается стук в кухонную дверь. Потом еще раз, громче.*

Карено. Это ты? Ингеборг?

Чучельный мастер *(входит, несет с собою большой пакет в газетной бумаге. Кланяется).* Прошу извинить, в кухне никого не было.

Карено. Вы принесли хлеб? Пожалуйста, положите туда.

Чучельный мастер. Нет; барыня…

Карено. Барыня еще не вставала. *(Берется за боковой карман.)* Вы пришли за деньгами?

Чучельный мастер *(кланяется).* Я должен был принести вот это*. (Снимает бумагу и высоко поднимает чучело птицы.)*

Карено *(с неудовольствием).* Уф, чтó это такое?

Чучельный мастер. Чучело птицы, которое мне заказала барыня. Сокол.

Карено. Это, очевидно, ошибка. Вы говорите – сокол?

Чучельный мастер. Нет, это не ошибка.

Карено *(подходит).* Жена заказала это?

Чучельный мастер *(кланяется).* Совершенно верно.

Карено *(берется за боковой карман).* Я не знаю, есть ли у меня… Сколько это сто́ит? Может быть, вы его возьмете обратно? *(Ищет в карманах.)* Потому что, к сожалению, у меня сейчас нет денег. Я зайду за этим после.

Чучельный мастер *(кланяется).* За птицу уже заплачено.

Карено. Заплачено? Тогда, пожалуйста, положите ее туда. *(Идет к письменному столу.)*

Чучельный мастер. Это одна из тех птиц, которые думают.

Карено. Так.

Чучельный мастер. Но она ничего не говорит.

Карено. Положите ее куда-нибудь. Положите ее на пол. *(Пишет.)*

Чучельный мастер. Вы не хотите ее повесить?

Карено. Нет, благодарю вас.

Чучельный мастер. У нее распростерты крылья для полета. Это была лучшая птица в моей коллекции. Я ее показывал посетителям, как образец. Разве она вам не нравится?

Карено *(встал).* Простите, - будьте любезны положить туда птицу.

Чучельный мастер *(быстро кладет птицу, кланяется).* Доброго утра.

Карено. Доброго утра. *(Садится.)*

Чучельный мастер. Прошу извинить. *(Уходит. Слышен стук захлопнувшейся калитки.)*

Элина *(входит, оправляя свое платье).* С добрым утром, Ивар. Ты все за работой?

Карено. Кончаю. *(Быстро пишет несколько строк.)*

Элина. Видишь, как я долго спала. Ты опять не ложился?

Карено *(кладет перо в сторону).* Я был прилежен сегодня ночью. Необыкновенно прилежен.

Элина *(подает ему руку).* Поздравляю, Ивар.

Карено *(удивленно пожимает ее руку).* Разве я в первый раз так прилежен?

Элина. Я поздравляю тебя с сегодняшним днем. Неужели ты опять забыл? Ведь тебе сегодня исполнилось двадцать девять лет.

Карено. Да, правда.

Элина *(заметив сокола).* Как, он уже приходил?

Карено. Кто? Да, тут был кто-то; он там что-то оставил. Я ничего не понял. *(Указывая.)* Он положил где-то там. Он сказал – птица, что ли.

Элина *(уныло).* Как неудачно вышло.

Карено. Он сказал, что ты заказала.

Элина. Да, я заказала для тебя. К сегодняшнему дню. Теперь весь сюрприз испорчен. Я вижу, ты вовсе не рад. *(В отчаянии.)* О, Боже мой! *(Садится.)*

Карено *(смотрит с гримасой на сокола).* Эта птица для меня?

Элина. Да, это сокол. Я хотела тебе подарить.

Карено. Какая странная идея! Пустая, набитая шкура.

Элина. Да, конечно, опять я сделала глупость. В прошлом году я подарила тебе картину, и она тоже тебе не понравилась.

Карено. Но, Боже мой, это же было изображение Христа, Элина.

Элина. Ты не должен об этом говорить в таком тоне. Это была литография, очень дорогая картина, могу тебя уверить. Отец и мать советовали купить ее.

Карено. Ну чтó же, она и висит над моею кроватью

Элина. Когда он приходил? Почему он заодно не повесил птицу?

Карено. Не мог же я его послать к тебе прежде, чем ты встала!

Элина *(с ударение).* Может быть, ты и не хочешь иметь здесь птицу? *(Указывая.)* Вот здесь, на этом крючке?

Карено. Здесь… А ты хочешь?

Элина. Ну, значит, нет. Пусть тоже валяется в спальне. *(Быстро встает, берет сокола и швыряет его в дверь спальни. Отпирает кухонную дверь.)* Ингеборг, ты хотела принять птицу, когда ее принесут.

Карено. Ингеборг ушла. Я ее послал по делу.

Элина *(у кухонной двери).* Да?

Карено. Я ее послал к Йервену. *(Встает.)* Я должен тебе сказать, Элина, что деньги, которые я получил вчера вечером, я отослал ему.

Элина *(подходит к нему ближе, внимательно смотрит).* Это неправда, конечно?

Карено. Это правда. Ты знаешь, чтó сделал Йервен? *(Берет книгу Йервена. Взволнованно.)* Подумай, Элина, Йервен тоже согнул спину. *(Бросает книгу на стол.)*

Элина. Чтó сделал Йервен?

Карено. Отрекся. Отрекся от всех своих прежних убеждений! *(Берет книгу и перелистывает.)* Продал себя. Страницу за страницей. Вот отчего он вчера так странно себя вел. *(Ходит по комнате.)* От Йервена ничего не осталось!

Элина *(после паузы).* Ты думаешь, Йервен сделал это намеренно?

Карено. Намеренно? Вся книга не что иное, как обстоятельный переход к англичанам и к профессору Гюллингу.

Элина. Значит, я была права.

Карено. Ты была права, Элина?

Элина. Да. Относительно профессора Гюллинга. Уж если Йервен тоже перешел на его сторону…

Карено *(не отвечая, ходит взад и вперед).* Вот почему он вчера был так расстроен. Он знал, чтó он сделал. (Останавливается в задумчивости.) Я не понимаю его наглости. Как он говорил! И как он насмехался над профессором Гюллингом.

Элина. И первое, чтó ты сегодня сделал, это – отослал ему деньги. Нет, я тебя не понимаю. *(Бросается на стул.)*

Карено. Неужели ты думаешь, что я теперь могу взять у него деньги?

Элина. Чтó? Неужели я думаю?

Карено. После всего этого? После того, как он напал на меня сзади?

Элина. Разве он напал на тебя сзади?

Карено. И на меня тоже. *(У стола, открывает книгу Йервена.)* Читай. *(Указывает; Элина не смотрит.)* Посмотри, - это только оглавление. Здесь уже три нападки на меня. Только в заглавиях.

Элина. Если он на тебя напал, ты должен с этим примириться. Ты сам на всех нападаешь.

Карено *(бросает книгу на стол; ходит взад и вперед).*

Элина. Мне кажется, Йервен этим нападкам не придает большого значения. *(Карено не отвечает.)* Вчера вечером он был с тобой любезен, как всегда. *(Карено не отвечает.)* По-видимому, он против тебя ничего не имеет. *(Карено не отвечает.)* Во всяком случае, с его стороны было очень мило предложить тебе деньги.

Карено. Я не могу их взять.

Элина. Да, если бы у нас были средства, тогда другое дело.

Карено. Какие деньги предложил мне Йервен? Плата за его книгу, плата за его нападки на меня – это деньги за кровь… Вот какие деньги он мне предложил!

Элина. Н-да.

Карено. Ведь это насмешка. Он прекрасно знает, что совершил предательство, и вот ему нужен сообщник. *(Останавливается.)* Нет, убей меня Бог, я никогда не видел подобной наглости!

Элина. Как странно! Как только для нас покажется луч света, - он сейчас же гаснет.

Карено. Да, теперь счастье нам не улыбается. Но это временно. *(Решительно.)* Пусть Йервен берет себе свои деньги! Может быть, я сегодня получу от издателя благоприятный ответ. Ты должна поддержать меня, Элина.

Элина. Нет, нам не избежать описи, я знаю.

Карено. Нет, я не верю этому. У меня предчувствие, что этого не случится. *(Проводит рукой по лбу.)* Но теперь я должен заснуть: кружится голова. Элина, я скоро проснусь, через несколько минут я снова примусь за работу. Ты еще увидишь, что́ я могу сделать! *(Экзальтированно.)* Сегодня ночью, когда я писал, мысли как молнии освещали мой мозг. Ты не поверишь, но я разрешал все вопросы, я понял жизнь. Я почувствовал прилив новых сил.

Элина *(у этажерки, берет поочередно в руки подсвечники; как бы про себя).* И не в состоянии спасти даже их.

Карено. Не огорчайся, Элина. Мне предстоит огромный труд. Предательство Йервена произвело на меня сильное впечатление. Мне казалось в эту ночь, что я остался один на всей земле. Между человеком и внешним миром стоит стена; но теперь эта стена стала тоньше, я хочу попробовать ее пробить, высунуть голову и посмотреть. *(Повторяет.)* И посмотреть. Ты мне веришь?

Элина. Я в этом ничего не понимаю.

Карено. Подожди, повторяю тебе: подожди, я кончу свою книгу. Пусть нас выгоняя из дому: но когда-нибудь нам будет лучше. Это я знаю.

Элина. Ты много раз уж говорил это.

Карено. Но теперь я в этом уверен. И что́ бы ни случилось, я у Йервена денег не возьму. До чего вы хотите меня довести? Лучше мне идти просить милостыню. К счастью, есть человек, у которого сейчас моя рукопись и который увидит, чего она сто́ит.

Элина. А что́ ты сделаешь, если издатель тебе откажет? Тогда начнется то же самое. *(Ходит взад и вперед; мучительно.)* Господи, я

так устала от всего этого. Это тянется уже целых три года. И никогда не будет иначе.

Карено. Но три года нужды совсем не долгий срок для такого человека, как я. Для человека, который стучится в людские двери с такими свободными мыслями, как мои. И десять лет недолгий срок. Об этом я думал сегодня ночью.

Слышен стук садовой калитки.

Элина *(принимает решение).* Ну, да посмотрим. У тебя воспаленные глаза, Ивар; приляг немного. Разбудить тебя?

Карено. Нет, я сам проснусь. Через четверть часа, вероятно, я встану. Я только подремлю. *(Уходит в спальню.)*

Элина *(прислушивается у двери в глубине; отворяет ее, смотрит и снова запирает. Отворяет кухонную дверь.)* Ингеборг, это ты?

Ингеборг. Да. *(Входит красная, задыхаясь.)*

Элина. Я слышала, ты уходила?

Ингеборг. Да, я только что вернулась.

Элина. Милая Ингеборг, сбегай еще раз. Но прежде позавтракай.

Ингеборг. Я уже ела.

Элина. Ты уже завтракала? *(Подходит к этажерке и берет подсвечники.)* Ингеборг, почисть их немного. А когда вычистишь, ты... *(отвернувшись)* ты отнесешь их в город и постараешься получить под них деньги.

Ингеборг. Я должна их...

Элина *(перебивает ее, нервно).* Да, ты понимаешь. Словом, получить под них деньги. Подсвечники покамест мне не нужны.

Ингеборг. Хорошо, хорошо.

Элина. Но только не теряй квитанции. Она, пожалуй, важнее самих денег.

Ингеборг *(берет подсвечники).*

Элина. Ты это сделаешь, Ингеборг?

Ингеборг. Конечно. *(Уходит.)*

Элина. Спасибо.

Садовая калитка захлопывается.

Элина берет свою работу, садится у круглого стола и шьет. Выражение ее лица озабоченное, движения вялы. Она встает, неподвижно смотрит через дверь веранды, снова садится и шьет. Уловив стук калитки, она напряженно прислушивается, встает и поспешно направляется к задней двери. Она в сильном волнении. Стучат.

Элина *(отворяет).* А! Войдите, пожалуйста.

Бондесен *(входит).* Дорого утра!

Элина. Здравствуйте. *(Подает ему руку.)*

Бондесен. Господин Карено уже ушел?

Элина. Нет, он спит, он работал всю ночь. Присядьте. *(Она садится.)*

Бондесен *(вынимает из кармана несколько номеров журнала).* Вот эти журналы. *(Садится.)* И вы сидите здесь одна?

Элина. Одна, одна!

Бондесен. Этого вы не должны делать. Лучше бы прогулялись. На дворе солнце.

Элина. Я стояла у дверей веранды и смотрела на солнце.

Бондесен. Вы должны выйти, нанять коляску и поехать гулять, сесть в лодку и грести.

Элина (*беспокойно).* Нет, не говорите мне об этом.

Бондесен. Сегодня устраивается большая прогулка за город.

Элина *(невольно).* Правда? И вы тоже поедете?

Бондесен. Да, и я тоже.

Элина (*меняя тон).* Послушайте, господин Бондесен, я вчера держала себя немного несдержанно. Надеюсь, вы этого не поняли дурно.

Бондесен. О, нет!

Элина. Мне это было бы очень неприятно.

Бондесен. Нисколько. Я все время был уверен, что ваша несдержанность, как вы называете, относится не ко мне, а к другому.

Элина. К кому другому?

Бондесен. Вы, в сущности, говорили не для меня, а для другого.

Элина. Этого вы не заметили? Что́? Этого нельзя было заметить?

Бондесен. Я был здесь не более, как посторонний свидетель. Я присутствовал при игре, но не участвовал в ней. Я был ширмой.

Элина. Нет, вы преувеличиваете. Фи, как вы преувеличиваете! Но не будем больше говорить об этом… Да, вы слышали про Йервена?

Бондесен. Что он перешел в другой лагерь? Я узнал об этом сегодня утром. Я тотчас же написал о нем небольшую статейку.

Элина. Против него?

Бондесен (улыбается). Нет, не против него. Теперь его надо поддержать.

Элина. Да, правда? Это вовсе не так ужасно – то, что́ он сделал?

Бондесен *(смеется).* Нет, конечно, нет. С моей точки зрения.

Элина. Не правда ли?

Бондесен. Потому что мы «все там будем». Рано или поздно.

Элина. Как это?

Бондесен. Все дети делаются взрослыми людьми. Если не умирают.

Элина. Да, если так рассуждать, то это вполне естественно.

Бондесен *(пожимает плечами).* Боже мой, я пережил то же самое. Был радикалом, свободомыслящим и смелым – хоть куда! Но наступило время, когда я начал размышлять.

Элина. Что́ же вы тогда сделали?

Бондесен. Я начал сомневаться в теории о происхождении от обезьяны. Затем я забыл песенку Синклера и то, «что́ случилось в Фредериксгалле»; потому что это тоже своего рода теория о происхождении от обезьяны.

Элина. А потом?

Бондесен. О, потом было еще много разного другого, но я перешагнул через все.

Элина. И перешли в другой лагерь?

Бондесен. Честно и открыто перешел в другой лагерь. В другую газету, для другого дела.

Элина. Вы это сделали? Для этого надо много мужества.

Бондесен. Обстоятельства сложились так, что я не мог иначе поступить. В этом было все мое мужество.

Элина. На вас, вероятно, сильно напали?

Бондесен. Да, в газетах. О-о! Но у меня была также и поддержка. И когда надо вступать на этот путь…

Элина. Я чувствую, что сделала бы так же, как вы. В конце концов надо ведь устроиться и не жить в вечной тревоге.

Бондесен. Вы совершенно правы. Перестаешь метаться, становишься спокойнее, находишь внутреннее довольство.

Элина. Вы думаете, что Ивар со временем тоже переменит свои взгляды?

Бондесен. Хочу надеяться. Я не понимаю, почему господин Карено должен быть единственным из всех нас, который не видит истинного пути. Но на это нужно время.

Элина. К сожалению; и, вероятно, много времени.

Бондесен *(улыбается).* Вы говорите: «к сожалению». Если бы ваш муж это слышал.

Элина. Мне все равно.

Бондесен. Чтó вам все равно?

Элина. Ничего. Мой муж спит.

Бондесен. Как тихо во всем доме!

Элина. Чтó вы будете делать за городом?

Бондесен. Веселиться. Выпьем немного шампанского, будем танцевать.

Элина. Танцевать тоже? Я ведь не так уж стара, а забыла, чтó значит танцы.

Бондесен *(упрашивая).* Поедем с нами. Вам понравится.

Элина. Не, чтó вы! Разве я могу поехать?

Бондесен. Мы будем вас носить на руках.

Элина *(изменив тон).* Господин Бондесен, вы права, когда говорили, что вчера я так держала себя только для другого.

Бондесен. В этом вам вовсе не надо исповедываться; я это сам видел.

Элина. Боже мой, я была в таком отчаянии и хотела это показать.

Бондесен. И достигли цели?

Элина. Нет. Ничего не достигла.

Бондесен. Жаль, потому что вы положили столько труда.

Элина *(искренно).* Не смейтесь надо мной! Прошу вас! Если бы вы только поняли меня. Вы знаете, в каком мы положении? Сегодня утром он отослал Йервену деньги, и вот мы снова ни с чем. Он не думает обо мне, даже не о себе, а только о своей работе, всегда и всюду о своей работе. Так тянется уж три года. Но три года это пустяки, говорит он, десять лет тоже. Если он так относится, то, значит, меня он больше не любит. И ночью я не всегда вижу его. Он сидит за своим столом и работает до самого утра. Все это ужасно! У меня все спуталось в голове; я готова была сжечь все его рукописи; я ревновала его к Ингеборг и отказала ей.

Бондесен. Ингеборг? Кто это?

Элина. Наша прислуга.

Бондесен. Чтó вчера подавала кофе?

Элина. Да.

Бондесен *(улыбается и качает головой).*

Элина. Я знаю, это было глупо. Но я для него совершенно не существовала и потому решила, что, вероятно, есть какая-нибудь причина. Вот сегодня принесли сокола; знаете, того сокола. Вы думаете, он позволил повесить его здесь?

Бондесен. А куда он хотел его повесить?

Элина. Да он совсем его не хотел, я это поняла. Теперь сокол валяется в спальне на полу. И так постоянно.

Бондесен *(откашливается).* Дело в том, что вы слишком молоды для того, чтобы быть женой. Вот и все.

Элина. Да, я слишком молода. Это так.

Бондесен. И он должен это понять.

Элина. Но он не понимает ничего; он так уверен, что я всецело принадлежу ему. *(После паузы.)* Но он слишком уверен.

Бондесен. Чтó вы хотите этим сказать?

Элина *(молчит).*

Бондесен. Вы теперь хотите ему доказать, что он заблуждается?

Элина *(молчит).*

Бондесен. Простите, если мой вопрос нескромен. Мне было бы приятно чем-либо быть вам полезным.

Элина *(смотрит на него).* Спасибо, что пришли, господин Бондесен. Я вас все-таки ждала. Мне было так грустно, а вы приносите с собой столько жизни. Вы сказали: «доброго утра». Как будто для вас было счастьем сказать это.

Бондесен. Так оно и было – пожелать вам доброго утра.

Элина. Вчера я немного боялась вас. Помните, когда вы говорили об этих журналах?

Бондесен. Да.

Элина. Вы сказали, что сегодня их принесете, и спросили, когда мой муж бывает дома.

Бондесен. Да, и?..

Элина. Знаете, мне показалось, как будто вы спрашиваете, когда моего мужа не бывает дома? И тогда я стала вас немного бояться…

Бондесен. Вы теперь тоже меня боитесь? *(Берет ее руку.)*

Элина *(немного отодвигает от него свой стул).* Нет, теперь нет… Но не думайте теперь обо мне дурно; я не очень смела, но…

Бондесен *(улыбается).* Будьте совершенно спокойны. Я все понимаю. Я все еще изображаю из себя приличные ширмы?

Элина. Ширмы? Теперь? Неужели вы это действительно думаете? *(В другом тоне.)* И много дам едет с вами за город? Вы на лошадях?

Бондесен. Да. Уже заказаны экипажи. Шампанское и музыка едет с нами.

Элина. А Йервен тоже едет? И фрёкен Говинд?

Бондесен. Во всяком случае они приглашены.

Элина. Вы часто устраиваете такие прогулки?

Бондесен. Сегодня особенный случай: день рождения одного из нашей компании.

Элина *(вздрагивает).* День рождения?

Бондесен. Да. А что́?

Элина. Ничего. Я вспомнила, что у нас сегодня тоже день рождения. *(Грустно улыбается.)* Но без всякой торжественности.

Бондесен. А? Разве сегодня день рождения господина Карено?

Элина. Да.

Бондесен. Поздравляю… Музыка и шампанское – ведь это только ребячество. Может быть прекрасный день рождения и без этого.

Элина. Но все-таки это праздник. Послушайте, как это звучит: «праздник». Я вижу всю картину: веселые мужчины с цветами в петлице, шляпы на затылке, улыбки и смех. «Застегните мне перчатку, завяжите мне ботинки». С удовольствием! Вы веселитесь? Потом кто-нибудь становится на камень и держит речь, и все громко смеются, если она неудачна. Потом играет музыка.

Бондесен. И потом танцуют.

Элина. Да, и потом танцуют. *(Беспокойно встает, улыбаясь.)* Смешно, я сижу здесь, а сама как будто там.

Бондесен *(настойчиво).* Но разве вы не можете быть там?

Элина. Нет, нет, ни в коем случае. *(Бросает взгляд на веранду, поворачивается, подходит к нему ближе, стоит одну минуту и смотрит на него сзади.)*

Бондесен *(обернувшись).* На что вы смотрите?

Элина *(садится).* Почему вы сказали, что вы ширма?

Бондесен. Ну, ширмы, или Эндресен, или NN. – это одно и то же.

Элина. Я сегодня не называла вас Эндресен. Ведь нет?

Бондесен. Да, вы меня так не называли. Это меня удивляет.

Элина. Я запомнила ваше имя. Я о вас думала.

Бондесен *(берет ее руку).* Это правда?

Элина. Да, это правда. И я вас ждала. *(Отнимает свою руку, встает; в другом тоне.)* Вы принесли журналы? Благодарю; я положу их ему. *(Кладет журналы на стол Карено.)*

Бондесен *(который также встал).* Вы уж хотите меня прогнать? *(Она не отвечает.)* Значит, вы меня ждали?

Элина. Да, мне хотелось поговорить с кем-нибудь.

Бондесен. Вы не рассердитесь, если я скажу вам что-то?

Элина *(опускает глаза).* Лучше не говорите.

Бондесен. Я только хочу сказать, что отказываюсь от сегодняшней прогулки. Я не поеду.

Элина. Почему?

Бондесен. Это меня не прельщает. Скучно, если вас там не будет.

Элина. Нет, голубчик, не говорите так. Да вы не должны забывать, что…

Бондесен *(в глубоком волнении).* Я все забыл. Мне все равно. Увижу я вас сегодня вечером? Вы пойдете гулять, пойдете в город?

Элина *(невольно).* Нет, не в город.

Бондесен. Где хотите. Здесь? На улице? *(Обнимает ее и целует.)*

Элина. Нет! Нет! Пустите меня. *(Страстно обнимает его, но тотчас опускает руки, вырывается, задыхаясь.)* Что́ вы делаете? Вы с ума… Вы забываете…

Бондесен *(умоляюще).* Боже мой, послушайте…

Элина. Тсс! *(Прислушивается, тяжело дыша.)* Он проснулся. Уходите, уходите! Нет, оставайтесь! Не уходите…

Бондесен *(обнимает ее за талию).* Здесь на углу, в восемь часов?
Элина *(быстро).* Да.

В эту минуту дверь спальни отворяется, и К а р е н о входит. Он отступает перед тем, что́ увидел. Бондесен выпускает госпожу Карено.

Карено. А!
Бондесен *(кланяется).* Я хотел… Я журналы…
Элина *(к мужу).* Ты недолго спал?
Карено *(овладевает собой).* Нет. Я совсем не мог спать. *(Медленно входит в комнату.)*
Бондесен. Я принес журналы, которые вы так любезно мне одолжили. Очень благодарен. *(Подходит к письменному столу и берет журналы; его руки дрожат.)* Очень интересно. *(Подает журналы Карено.)*
Карено. Благодарю. *(Кладет журналы на стол, медленно подходит к дверям веранды и смотрит; задумчиво).* Прекрасная погода.
Бондесен. Удивительная. Ни малейшего ветра, солнце, тепло.
Карено *(оборачивается).* Элина, могу я получить завтрак?
Элина *(делает несколько шагов по направлению к кухонной двери).*
Бондесен. Необыкновенно тепло. Для этого времени.
Карено *(отходит от двери веранды).* Хорошо, что держится такая погода. Я могу работать в саду. *(Жене.)* Принеси мне поесть.
Элина. Да, да. Сию минуту. Я сама тоже еще не завтракала. *(Идет к кухонной двери.)*
Бондесен *(берет свою шляпу).* Очень благодарен за журналы, господин Карено. *(Кланяется.)* Доброго утра.
Карено. Доброго утра.
Элина *(провожает Бондесена к двери на заднем плане).* Я открою. Прощайте, прощайте. *(Выпускает Бондесена, опять идет к кухонной двери; не глядит на Карено.)* Почему ты не спал? Тебе это необходимо.
Карено. Послушай, Элина, что́ это было за… Я застал тебя в удивительной позе, когда вошел.
Элина. Поза? Что́?
Карено. Ведь это не могло мне показаться. Меня как будто укололо что-то в сердце.
Элина. Я не знаю, о чем ты говоришь.
Карено. Но, Боже мой, разве он не обнимал тебя, этот человек?
Элина *(не отвечает).*
Карено. Этого никогда еще не было. Положил всю руку. Зачем он это делал?
Элина *(равнодушно).* Вовсе не всю руку.
Карено. Я не понимаю, что́ это за поведение. Ты не должна позволять ему – этому человеку – быть таким дерзким.
Элина. Я не знаю, о чем ты говоришь. Господин Бондесен не был со мною дерзок.
Карено *(некоторое время пристально смотрит на нее).* Так? Ну, хорошо. Что́ ему нужно было?
Элина. Он принес журналы, которые вчера взял.
Карено. А кроме того? Для того, чтобы вынуть несколько тетрадок из кармана, не нужно много времени.

Элина *(отворяет кухонную дверь и смотрит).*

Карено. Ты слышишь? Я спрашиваю: что́ ему нужно было еще?

Элина. Еще? Что́ ему нужно? Я не знаю, что ему еще было нужно. Мы сидели и разговаривали.

Карено. О чем?

Элина. Ах, не прикажешь ли еще давать тебе отчет?

Карено. Конечно. Это необходимо, я думаю!

Элина *(смеется).* Скоро мне будет неинтересно знать, что́ «ты думаешь».

Карено. Что́ ты говоришь?

Элина. Ничего. Ради Бога, не будем ломать стульев и ссориться… Что́ я хотела сказать: бутерброды уже там приготовлены. Принести их?

Карено. Сюда приходят люди по самым странным делам. А когда я случайно вхожу, я вижу… Но мне все равно. Если тебе это нравится, то…

Элина. Принести тебе есть?

Карено *(резко).* Благодарю, я сказал, нет.

Элина *(уходит в кухню).*

К а р е н о в сильном волнении ходит по комнате, останавливается, пристально смотрит на пол, качает головой и опять принимается ходить. Бросается на стул.

Слышен стук садовой калитки. Стучат в дверь. Карено встает.

Йервен *(входит. На мгновение останавливается в дверях. Говорит в легком тоне).* Доброго утра, Карено.

Карено. Доброго утра.

Йервен. Я на минуту. *(Протягивает руку, Карено пожимает ее, не глядя на него.)* У тебя утомленный вид.

Карено (*не отвечает).*

Йервен *(осторожно шутя).* Ты говоришь, что я устал? *(Подавленно улыбается и садится.)*

Карено. Твое посещение сегодня мне не особенно приятно, Йервен.

Йервен. Я это вижу. Ты утром прислал мне письмо.

Карено. Да. Спасибо за предложение, но я денег от тебя взять не могу.

Йервен *(после паузы, наклонившись).* Все-таки я тебя очень прошу об этом.

Карено. Нет; если ты пришел ради этого, то можешь спокойно уходить. Это все, что́ я могу тебе сказать.

Йервен. Как я понимаю, между нами стала моя книга.

Карено Да, твоя книга.

Йервен. Значит, ты не заметил в ней ничего особенного. Ты ничего не прочел между строками?

Карено. Нет. Что́ же?

Йервен *(молчит).*

Карено. Нет; я ничего не заметил.

Йервен. Я думал, что ты, так хорошо знающий меня, поймешь, чего мне стоило написать эту книгу.

Карено. Не могу сказать, чтобы я это увидел. Да, пожалуй, в одном месте, вначале. Ты неуверен и колеблешься; ты опускаешь глаза.

Йервен. Так во многих местах.

Карено. Ну да, слабая краска стыда на щеках, маленькое смущение. Но ты скоро овладеваешь собой и пишешь дальше.

Йервен. Я был к этому вынужден.

Карено. Да? Вынужден?

Йервен. Если бы я написал свою диссертацию иначе, то на получил бы докторской степени.

Карено. Хе? Но докторская степень тебе была необходима?

Йервен. Да, иначе я не получил бы стипендии.

Карено. Я не думаю. Кто это сказал?

Йервен. Профессор Гюллинг.

Карено *(после паузы).* Да, это другое дело. Если он это сказал.

Йервен. С того дня, как явился профессор Гюллинг и дал мне этот добрый совет, я знал, куда мне идти. Ведь рука определяет номер перчатки.

Карено. Стипендия тебе была необходима? Непременно? Без нее ты не мог бы жить?

Йервен. Нет, но я не мог бы жениться.

Карено. Как ты себя уверил, Йервен! Знаешь, все это рисует тебя в особенном свете.

Йервен. Я понимаю, что тебе так должно казаться.

Карено. Да, конечно, мне так кажется... И после того, как сделка заключена и товар продан, ты приходишь суешь мне в руки деньки. В *мои* руки! *Эти* деньги! Слышишь, я не знаю, как это назвать. Т. е. я слишком хорошо знаю, как это назвать.

Йервен. Да, ты хорошо знаешь.

Карено. Конечно. Слово вертится у меня на языке. Итак, дело ясно. Наши пути расходятся, но ты ничего не теряешь; ты получаешь свою награду. Я только не понимаю твоего вчерашнего поведения, твоего злобного издевательства над профессором Гюллингом. Чтó это означало? Я никогда тебя не видел таким; ты был красноречивее, чем всегда, наносил удар за ударом, уничтожал его своим презрением. Я не понимаю, чего ты этим хотел достигнуть?

Йервен. Я ничего не хотел; мне казалось, у меня еще есть время, пока ты ни о чем не узнал. Для меня было облегчением еще немного побарахтаться в эти лишние минуты.

Карено. Жалкая отсрочка!

Йервен *(страстно; сжимая кулаки).* Но я такой же, каким был! Меня заставили признать учение, которое идет в разрез с моими убеждениями; но в глубине души я все тот же. Здесь я не уступлю ни на волос.

Карено. Ха-ха-ха! Конечно. Нет; не уступай ни на волос в глубине души. Никогда. Ха-ха-ха!

Йервен *(оскорбленный).* Тебе смешно? Чтó ты знаешь? Говорю тебе, я стою непоколебимо на моей прежней точке зрения. Да!

Карено *(удивленно смотрит на него некоторое время).* Да, да, Йервен. Но извини, мне сейчас некогда. И притом мне нелегко говорить с тобой дальше. *(Приводит с порядок бумаги на своем столе.)*

Йервен *(поднимается; покорно).* Я ухожу.

Карено. Наш разговор не привел бы ни к чему.

Йервен. Я хочу сказать только одно, Карено. Возьми деньги. Сделай это. Убедительно прошу тебя.

Карено *(медленно).* Милейший, неужели у тебя совсем нет стыда?

Йервен. Для меня это крайне важно, и я не стал бы умолять тебя, если бы видел другой исход. Сегодня пришла Натали, мы говорили о тебе. Она была при том, как я получил твое письмо, и увидела деньги.

Карено. Да, и?..

Йервен. Она потребовала, чтобы я показал ей письмо.

Карено. Ну?..

Йервен *(взволнованно).* Что́ ж рассказывать? Она вернула мне кольцо.

Карено. Кольцо?

Йервен. Она взяла назад свое слово.

Карено. Что́?.. Она это сделала?

Йервен *(вынимает из жилетного кармана кольцо, рассматривает).* Она сняла его с пальца и отдала мне.

Карено. Она ничего не сказала?

Йервен. Она сказала, что понимает, что́ я сделал. «Ты сделал что-то дурное», - сказала она. Она догадалась по твоему письму.

Карено. И ушла? Не объяснившись?

Йервен. О, нет; она объяснила. Ты вчера видел, какая она увлекающаяся, доверчивая, страстная. Никаких компромиссов. Она так радовалась тому, что я дал тебе деньги и ты их взял. Сегодня ты отослал их обратно, и таким образом было вполне ясно, что́ это означает.

Карено. Вот видишь, Йервен! Награда – награда во всех видах

Йервен. Но ты еще можешь меня спасти. Я ее спросил: - «Ты возвращаешь мне кольцо. Это навсегда?» - «Да», - ответила она. – «Но, быть может, это поправимо, - сказал я. – Еще не поздно; я пойду к Карено и объясню ему все». – «Да, иди к Карено», - сказала она.

Карено. Тебе нечего у меня делать.

Йервен. Она верит в тебя; ты произвел на нее впечатление. Она все время о тебе говорит. *(Сунув руку в карман.)* Возьми деньги.

Карено *(медленно).* Само собой, я денег не возьму. *(Берет пачку бумаг под мышку.)*

Йервен. Ты идешь в сад работать?

Карено. Да, когда ты уйдешь. Почему ты об этом спрашиваешь?

Йервен. Так, просто.

Карено. Я хочу там быть один.

Йервен *(умоляя).* Карено, прежде чем ты уйдешь…

Карено *(топнув ногой).* Йервен!

Йервен *(идет к двери).*

Карено *(ему вслед).* Еще одно: отдай свои деньги попам. *(Возвращается к столу.)*

Слышен стук садовой калитки.

Элина входит.

Карено. Здесь был Йервен.

Элина *(молчит).*

Карено. Я говорю, здесь был Йервен.

Элина. Ну да. Я слышала.

Карено. Но я не слышал, что́ ты ответила. Может быть, тебя это не интересует?

Элина. Откровенно говоря, нет.

Карено. После сегодняшнего визита ты интересуешься только собою.

Элина. Но, милый Ивар, что́ мне за дело до того, был ли здесь Йервен или нет. *(Принимается за шитье.)*

Карено. С Йервеном плохо. Ему отказала невеста.

Элина. Отказала?

Карено. Вернула ему кольцо.

Элина. Почему?

Карено. Почему? Вероятно, потому, что больше не хотела иметь с ним дела. Она догадалась, что он продал себя.

Элина *(пожимает плечами).*

Карено. Я согласен с нею. Она поступила гордо. Тебе, вероятно, это не кажется?

Элина. Я в этом ничего не понимаю.

Карено *(раздраженно).* Да, ты права. Ты так далека от этого. Ты бы этого не сделала.

Элина. Нет. У меня больше терпения. Два-три года я терпела бы.

Карено. Твоя гордость легко примиряется.

Элина. Ты прав. Я со многим мирюсь.

Карено. Да, ты со многим миришься.

Элина. Например, с тем, что́ терплю от тебя.

Карено. Виноват: и от других также.

Элина. Что́ ты этим хочешь сказать?

Карено. Я хочу сказать, что ты чужому человеку позволяешь обнимать себя и не даешь ему пощечины.

Элина *(пожимая плечами).* Опять об этом!

Карено *(ходит по комнате).* Жалкий, толстый человечек. Есть такие жирные личинки, червяки. Это я только так говорю.

Элина *(молчит).*

Карено. Но он изящно одет, что́? Не правда ли, он одет изящно?

Элина *(молчит).*

Карено. Кажется, у него даже вышитые носовые платки?

Элина. Вероятно, у него для этого есть средства.

Карено. Конечно. И это ему к лицу.

Элина. Правда.

Карено. Ну-с, и на чем вы порешили? Конечно, меня это не касается, ведь я только твой муж.

Элина. Если бы я тебя не знала, то могла бы подумать, что ты ревнуешь.

Карено *(останавливается).* Ревную? Но послушай, Элина!

Элина. Тогда не говори так.

Карено. Ревную? Ха-ха-ха! *(Ходит.)* Но после того, что́ я видел собственными глазами, я могу ждать и большого. Я ведь видел *(показывает.)* Я вышел из той двери. И ты допускала это. Естественно спросить: что́ же дальше? Свидание?

Элина *(после минутного раздумья, внезапно и несдержанно).* Да. Свидание. *(Бросает работу на стол, встает и делает шаг.)* Свидание.

Карено *(стоит минуту и смотрит на нее; полуудивленно, полуупрека).* Элина!

Элина. Да, свидание. Что́ ты еще хочешь знать?

Карено. Ничего. Только лучше мне здесь не быть, чтобы не пришлось опять войти в неподходящее время.

Элина *(берет снова за работу).*

Карено. Это начинает становиться забавным. Тебе не кажется?

Элина. О, да, веселый день рождения! Большое торжество в доме.

Карено. Этого никогда не было за все три года. Вероятно, я прежде плохо тебя знал. *(Останавливается у этажерки.)*

Элина *(бросает работу и встает).* Это становится невыносимым.

Карено. О, сиди, Элина; я ухожу. Мне нужно работать.

Элина *(опять садится).*

Карено. Комната снова в твоем полном распоряжении – для чего угодно… Но я вижу, что нет подсвечников. Куда они делись?

Элина *(смущенно).* Подсвечники?

Карено. Я спрашиваю, куда они делись?

Элина. Я их дала почистить Ингеборг.

Карено. По-видимому, в доме происходят странные вещи. Не могу же я оставаться в полном неведении. Ты дала Ингеборг почистить подсвечники?

Элина. Да.

Карено *(берет свои письменные принадлежности).* Если принесут письмо, то крикни мне в сад. *(Уходит на веранду.)*

Э л и н а несколько мгновений сидит в глубокой задумчивости; потом порывисто встает и ходит взад и вперед. Ее лицо и движения выражают страдание. Слышен стук калитки. Вслед затем из кухни входит И н г е б о р г. У нее в руках сверток.

Элина. Ну?

Ингеборг *(развертывает сверток).* Нет, они не взяли подсвечников. Я была в двух местах.

Элина. Неужели не взяли?

Ингеборг. Нет; они сказали, это не настоящие. *(Ставит подсвечники на этажерку.)*

Элина. Что́? Подсвечники не настоящие?

Ингеборг. Нет; они сказали, что это не настоящее серебро, а накладное.

Элина. Глупости! Подсвечники, которые нам подарили родители!

Ингеборг. Да, это сказали в двух местах. Я подумала, что уж не сто́ит ходить к другим.

Элина. Но это глупости. Неужели, ты думаешь, отец и мать – эти честные люди – могут подарить поддельные вещи?

Ингеборг. Если желаете, я могу сходить еще.

Элина. Нет, не сто́ит! Я только хочу, чтобы ты знала, что это не накладное серебро. Потому что мы получили их от родителей.

Ингеборг. Я так и думала.

Элина. Спасибо; больше ничего не надо, не рассказывай об этом, понимаешь? Не говори, куда ты ходила.

Ингеборг. Конечно. *(Уходит.)*

Элина *(рассматривает подсвечники, постукивая по ним, прислушиваясь).* Накладное. *(Ставит подсвечники на месте, отворяет дверь на веранду и зовет.)* Ивар, на минуту.

Карено *(сейчас же появляясь).* Принесли письмо?

Элина. Я только хотела показать тебе подсвечники.

Карено. Да, а письма нет?

Элина. Я говорю, что хотела тебе показать подсвечники. Вот они стоят. Ведь ты должен знать, какие странные вещи происходят у нас в доме.

Карено *(с раскаянием).* Милая Элина, не говори так.

Элина. А что́, ты думал, я сделала с подсвечниками?

Карено. Нет, я был раздражен.

Элина. Но я хочу знать.

Карено. Я ничего не думал. Я только подумал, что если они придут нас описывать, то должны найти все на месте. Это пришло мне в голову. Ты должна простить меня, Элина.

Элина. Нельзя так придираться. Ты становишься все несноснее. В конце концов мне нельзя буде пошевелиться без того, чтобы ты не знал – зачем.

Карено. Нет, я не буду следить за тобой, я уже об этом думал.

Элина. Я должна о каждом пустяке давать тебе подробные объяснения. Я уверена, что если, например, я сегодня вечером выйду за дверь, на улицу, то сейчас же поднимется целая история.

Карено. Да нет же, Элина!

Элина. Может быть, ты даже пойдешь за мной и будешь подсматривать?

Карено. Нет! Что́ ты говоришь! Теперь ты сама придираешься. Иди на улицу, делай, что́ хочешь, я спокойно буду сидеть здесь. Неужели ты считаешь меня таким пошлым? *(Обнимает ее.)*

Элина *(освобождается).* Ах, нет. Не надо этого.

Карено. Элина, не будем больше ссориться. Я сидел там в саду и думал об этом. Это ни к чему.

Элина. Мне тоже кажется.

Карено. Значит, Бондесен не был с тобою груб? Скажи мне только это.

Элина. Конечно, нет.

Карено. Меня это беспокоило. Мне казалось, что он слишком близко подошел к тебе. И его рука… И он смотрел на тебя нехорошими глазами. Это меня возмутило. Ты за это не должна на меня сердиться, Элина; я не мог иначе. Кроме того, я устал; я не спал всю ночь.

Элина. Да, почему тебе не заснуть?

Карено. Сейчас? Нет, сейчас я хочу работать. Последнее время мне постоянно мешали. У меня был визит за визитом. Таким образом далеко не уедешь. О, я чувствую себя сильнее с каждым часом! Меня

нельзя победить, напротив… Ты не смотришь на меня, Элина? Ты так равнодушно меня слушаешь!

Элина. Я слушаю, что́ ты говоришь.

Карено. Да, но у тебя такой равнодушный вид, ты думаешь о другом.

Элина *(берет свою работу и садится).*

Карено. Мы сегодня подрались. *(Смеется.)* Было нехорошо. Но теперь мы такие же добрые друзья, как прежде, не правда ли? Пожалуй, и еще лучшие.

Элина. Который теперь час?

Карено. Я посмотрю в кухне. *(Хочет идти.)*

Элина. Нет, спасибо, - не надо.

Карено. Сегодня я должен получить ответ от издателя. Я жду письма с минуты на минуту. Надеюсь, что ответ будет благоприятный; сегодня должны кончиться все наши заботы, Элина. Что́ ты на это скажешь?

Элина. Кто живет там на углу, ты не знаешь?

Карено. На углу? Я не знаю.

Элина. Там всегда так светло в окнах.

Карено *(улыбается).* Какие у тебя странные фантазии! Но спрашивай еще, Элина. Я не знаю, который час и кто живет на углу; но все равно, спрашивай еще о чем-нибудь. Пока ты опять не станешь мне другом.

Элина *(осматривает черную вуаль и принимается ее починять).*

Карено *(вкрадчиво).* Ты приводишь в порядок свои вещи. Что́ это значит?

Элина (*не отвечает).*

Карено *(улыбается).* Ты еще не совсем помирилась со мной, как мне кажется. Но я молчу. Ты все-таки меня еще любишь, да? *(Приближается и смотрит на нее.)* У тебя на затылке такие блестящие волосы. *(Осторожно прикасается к ее волосам.)*

Элина *(порывисто отстраняется).*

Карено *(улыбается).* Милая, я только хотел… Ты стала такая нервная… И такая задумчивая. О чем ты думаешь? *(Садится рядом с ней.)* О чем, моя крестьяночка? *(Обнимает ее.)*

Элина. Ах, нет, не мучь меня! *(Отодвигается.)*

Карено. Ты еще не можешь забыть сегодняшней ссоры, Элина? Я ее уже забыл. Какое мне дело до того, что говорил тебе Бондесен? Я не хочу об этом больше знать. Тебе, наверное, и самой было смешно, я убежден. Такая жеманная кукла!

Элина. Не понимаю, что́ за удовольствие все время ругать Бондесена. Мне ты этим не доставляешь никакого удовольствия, могу тебя уверить…

Карено. Но, милая, дорогая…

Элина. Я совершенно не разделяю твоего мнения о Бондесене.

Карено. Правда? Ну да: для себя он достаточно хорош. *(Встает.)*

Элина. Да и для нас также.

Карено. Не о нем ли ты все время думаешь?

Элина *(не отвечает).*

Карено. Ты больше не любишь меня, Элина?

Элина *(не отвечает).*

Карено *(с возрастающим волнением).* Я прошу тебя, ответь только на это.

Элина *(кладет вуаль и встает).* Господи, можно с ума сойти! Ты меня замучишь своими вопросами. *(Уходит в кухню.)*

Карено *(смотрит ей вслед со страхом).* Она меня больше не любит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На следующий день. Комната Карено. Послеобеденное время. Солнце.

Э л и н а приводит в порядок красное платье. К а р е н о входит с веранды.

Карено. Письма все еще нет?

Элина. Нет, я не видела никакого письма. Впрочем, если придет посыльный, ты сам услышишь, когда стукнет калитка.

Карено. Да, правда. Я об этом не подумал… Сегодня работа не клеится. Так много посторонних мыслей приходи в голову. Когда ты уходишь, все уходит с тобою.

Элина *(уклончиво).* Ты уверен, что письмо получишь сегодня, Ивар?

Карено. Да, оно должно сегодня прийти… Я не хочу тебя мучить, Элина, но вчера вечером, когда ты так долго не возвращалась, мне стало очень тоскливо. Я только это хотел сказать тебе.

Элина. Разве я так долго не возвращалась?

Карено. Конечно, нет. Пойми меня хорошо. Я был за тебя рад. Да. Я совсем не хочу знать, чтó ты там делала, поверь мне. Ты вернулась такая сияющая. Господи, какая ты была свежая, когда сняла вуаль

Элина. Ты находишь?

Карено. А я здесь ходил по комнате и думал, что если ты и придешь через полчаса или через час, или даже через два, три часа, - ты все равно не вернешься ко мне. Не ко мне… Об этом я думал.

Элина *(встает).* Я вспомнила, что надо налить твою лампу. *(Берет лампу и уходит в кухню.)*

К а р е н о бродит по комнате. Входит И н г е б о р г с налитою лампой.

Карено. Это ты принесла лампу, Ингеборг?

Ингеборг. Да, мне барыня велела.

Карено. Спасибо. А барыня в кухне?

Ингеборг. Да.

Карено. Скажи, Ингеборг, ты не знаешь, сколько сто́ят вышитые носовые платки?

Ингеборг. Нет.

Карено. Сколько, например, могут стоить две-три штуки?

Ингеборг. Я не знаю. Вышитые носовые платки?

Карено. Да. Знаешь, на них вышито… Ну, все равно… Пожалуйста, вычисти мой черный костюм – знаешь, тот черный, только хорошенько. Я хочу его надеть.

Ингеборг. Да. Сейчас?

Карено. Да, пожалуйста, сейчас… Послушай, Ингеборг, по-твоему, он был так нарядно одет – этот Бондесен, который третьего дня был здесь вечером?

Ингеборг. Какой Бондесен? Господин, который там сидел (указывает), когда я принесла кофе?

Карено. Да.

Ингеборг. Нет; разве он был так наряден?

Карено. Не правда ли? В нем не было ничего поразительного.

Ингеборг. Нет, я и не говорю.

Карено. Конечно, нет. Мне просто пришло в голову. Так вот, будь добра, почисти тот костюм. Мне нужно.

И н г е б о р г уходит в спальню, возвращается с черным мужским костюмом и щеткой, и уходит на веранду. Э л и н а входит с тряпкой и начинает вытирать пыль.

Карено. Ты ждешь гостей?

Элина. Я – гостей? Нет.

Карено. Я все время смотрю на тебя, Элина. Мне кажется, я никогда не видел тебя такой молодой. Ты сегодня совсем девушка.

Элина. Сегодня я такая же, как и всегда.

Карено. Нет. Сегодня ты сияешь, у тебя другие глаза. Ты опять уходишь?

Элина. Да.

Карено. Ты бежишь из комнаты, если я там. Оставайся. Я могу уйти.

Элина. У меня работа на кухне. (Уходит.)

И н г е б о р г входит с платьем и уносит его в спальню.

Карено. Спасибо, Ингеборг. *(Уходит в спальню и запирается на ключ.)*

Элина *(заглядывая).* Где барин?

Ингеборг *(указывая на спальню).* Там.

Элина. Что́ он делает?

Ингеборг. Переодевается. Он надевает черный костюм. Я вычистила. *(Уходит.)*

Э л и н а с удивленным видом садится и принимается за свою работу. В заднюю дверь осторожно стучат. Входит Б о н д е с е н.

Элина *(испуганно поднимаясь).* Боже мой, это вы?

Бондесен. Доброго утра. Спасибо за вчерашний вечер.

Элина. Вы только что пришли? Я не слышала стука калитки.

Бондесен. Я изучил эту садовую калитку. Ее можно открыть без шума.

Элина. Ради Бога, вы должны сейчас же уйти.

Бондесен. Нет, не сейчас. Правда?

Элина *(указывает на спальню).*

Бондесен *(невольно отступая).* А!

Элина *(тихо, страстно).* Нет, не уходите! Не уходите! Да, идите, но возвращайтесь. Приходите немного позднее, я, может быть, буду одна. Пройдитесь по улице. Но сегодня вечером я не могу уйти.

Бондесен. Вы должны. Вы вчера обещали. Я с тех пор ни о чем другом не думаю.

Элина. Я тоже ни о чем другом не думала. Ни о чем другом. Вы находите дурным, что я это говорю? Я не понимаю себя. *(Подносит руку ко лбу.)* Это вы виноваты. *(Взглядывает на него и улыбается.)*

Бондесен. Разве вчера вы слишком долго отсутствовали?

Элина. Нет; мы об этом не говорили. Я ничего не сказала. Я не вхожу в объяснения. После я попрошу у него прощения, а теперь я о нем не думаю… Помните, когда вы вечером были здесь в первый раз?

Бондесен. Да, третьего дня вечером?

Элина. Вы сидели вот здесь. Вы не были ширмами, как говорите. Может быть, вначале, но не все время. Один раз вы сказали что-то, что́ меня взволновало.

Бондесен. Что́ я сказал?

Элина. Я не помню. Может быть, это был только ваш голос. Я не помню слов, но они взволновали меня. Тогда я отошла от вас.

Бондесен *(обнимает ее).*

Элина *(мягко освобождается).* Нет, нет, - не делайте этого. У меня и без того достаточно грехов. Вы будете хороши ко мне?

Бондесен. Я вам обещаю.

Элина. Потому что иначе я не хочу вас больше видеть. Сегодня вечером я все-таки выйду; мы сделаем длинную прогулку, далеко за город. Окажите мне большую услугу: проводите меня до дому. Это три мили отсюда.

Бондесен. Да, с удовольствием. Мы поедем.

Элина. Да, спасибо, поедем. Я хочу отправиться домой и там устроиться некоторое время. Ивар ничего не имеет против; он об этом часто говорил. Теперь я так и сделаю. *(Осматривается.)* Здесь смерть. Даже не слышно тиканья часов, ни малейшего звука; мертвая тишина и бумага. Сегодня я услышала на улице шум экипажа; я выбежала и смотрела ему вслед, пока он не исчез. Потом я вернулась сюда, ко всему этому. Ах! *(Скрестив руки на груди, прижимает их, откидываясь назад.)*

Бондесен *(увлеченный).* Большая красивая девочка.

Элина. Может быть, нехорошо то, что́ я сделала.

Бондесен. Нет, прекрасно.

Элина. Я чувствую жизнь в себе.

Бондесен. Могу я сказать вам?..

Элина. Нет. Теперь вы должны уйти. Но я буду говорить с вами, когда вы вернетесь немного погодя. Мы поедем с вами. Я ему все расскажу и скажу, что еду домой. Вы находите меня ужасной?

Бондесен. Вы?

Элина. За все то, что я делаю.

Бондесен. Я молюсь на вас.

Элина. Этого вы не должны. Я только проснулась. Я опять проснулась, понимаете? Когда я вчера вышла к вам и вы взяли меня за руку, во мне снова проснулась жизнь. Когда-нибудь я расскажу об этом Ивару, Господи, и на коленях буду просить у него прощения. Теперь я не могу.

Бондесен. Пст! *(Напряженно прислушиваясь, указывает на спальню.)*

Элина *(закидывает голову назад и улыбается).* Вы боитесь? Нет! Этого не надо. Я не думаю, что есть опасность. Но уходите теперь. И не думайте обо мне дурно. Знаете, Бондесен, у вас зеленые глаза. Если бы я могла быть уверенной, что вы будете со мной милым и хорошим!

Бондесен. Я это обещаю.

Элина *(смотри на него и улыбается).* У вас так дрожат губы, - я заметила. А теперь идите. *(Ведет его к двери.)*

Бондесен. Значит, через полчасика? *(Хочет ее обнять.)*

Элина *(отстраняясь).* Да, через полчаса. *(Запирает за ним дверь.)*

Э л и н а в сильном возбуждении делает несколько шагов, берет себя за голову, улыбается, взволнованно дыша, садится за роботу. Входит К а р е н о в черном костюме; он кажется другим, похорошевшим. Элина смотрит на него.

Карено *(извиняясь).* Мне вздумалось… Сегодня такая хорошая погода. И ты права, за последнее время я, действительно, не обращал на себя внимания. *(Смущенно улыбаясь.)* Теперь я опять похож на юношу.

Элина. Мне кажется, ты даже вырос.

Карено. Ты находишь? Я вырос?

Элина *(не отвечает).*

Карено *(стараясь поддержать разговор).* Это, вероятно, от сюртука. Или, ты думаешь, от брюк?

Элина *(несколько нетерпеливо).* Не знаю, Ивар.

Карено. Ты все еще со своими мыслями? *(Улыбается.)* Если бы твой лоб был прозрачен и я мог бы видеть твои мысли, то, вероятно, узнал бы замечательные вещи.

Элина *(не отвечает).*

Карено *(осторожно приближаясь).* Что ты шьешь, Элина?

Элина *(не отвечает).*

Карено. Это очень красиво. Конечно, не для меня.

Элина *(устало).* Это мое старое платье.

Карено. Я только что заметил, что на моем жилете не хватает двух пуговиц. На другом жилете. Не понимаю, как это случилось.

Элина. Я их пришью

Карено. Я буду тебе очень благодарен, если ты это сделаешь... Тебе идет, когда ты шьешь, Элина. У тебя теперь такой скромный вид. И какая красивая рука!

Элина *(нервно отодвигается).*

Карено. Боже сохрани, я тебе ничего не делаю. Я даже не трогаю тебя.

Слышен стук садовой калитки.

Элина *(вскрикивает).* Принесли письмо! *(Спешит к задней двери, открывает).* Нет, это Йервен. Здравствуйте, Йервен.

Йервен *(входит, сдержанно).* Здравствуйте. *(Протягивает руку Элине и Карено.)*

Элина. Как поживаете?

Йервен. Благодарю... Я только хотел сказать тебе несколько слов, Карено... Нет, не уходите, у меня нет секретов.

Элина *(дружески).* Я все равно хотела уйти. У меня хозяйство. *(Уходит в кухню.)*

Йервен. Я все по тому же делу, Карено.

Карено. Да?

Йервен. И я очень тебя прошу помочь мне. Ты не подозреваешь, каково мне приходится. Теперь на карту поставлен не экзамен и не ученая степень, а все.

Карено. Теперь ты пробуешь подойти ко мне с другой стороны. Я не могу больше с тобой говорить. *(Поворачивается к нему спиной.)*

Йервен. Натали неумолима. Выслушай, что́ я тебе скажу.

Карено. Разве ты мог от нее ждать другого?

Йервен *(подносит руку ко лбу).* Она говорит, что между нами все кончено. – «Неужели ты так решила?» - сказал я. Она так решила. Она прочла мою книгу и поняла, что это написал продажный человек, как она сказала. Хе – она сумасшедшая истеричка.

Карено. Ничуть. Она просто человек.

Йервен *(продолжает).* Но ты можешь спасти все; она полагается на тебя. Я пришел сказать тебе это. Она говорит: если ты помиришься с Карено и он возьмет у тебя деньги, значит, твой поступок не так гадок.

Карено. Но то, что́ ты сделал, очень гадко.

Йервен. Карено, если ты не можешь заставить себя взять эти деньги и пожать руку старого товарища, то я недостаточно знаю тебя.

Карено *(строго).* То, что́ ты сделал, очень гадко. Ты совершил подлог, обман, предательство. Боже, какая невыразимая гадость!

Йервен. И ты воображаешь, что узнал меня? Можешь называть меня как угодно, но я сюда пришел, чтобы подняться. Да, чтобы подняться. Чего ты требуешь?

Карено *(смотрит на него).* Ты сам не знаешь, что говоришь.

Йервен. Чего ты требуешь?

Карено *(холодно).* Ничего.

Йервен *(бурно возбужденный).* Ради Бога, Карено, будь милосерд сегодня. *(Опускается на стул.)*

Карено *(отходит в глубину сцены).*

Йервен *(вскакивая).* Ты уходишь? Я хочу тебя просить еще. Разве когда-нибудь бывало, чтобы человек имел в кармане деньги и не мог их отдать взаймы.

Карено. Мне не нужны твои деньги. Я жду письма и, когда оно придет, я перестану нуждаться.

Йервен. Да, но *меня* это не спасет. Я погиб. Она ни о чем не хочет слышать; она гонит меня, когда я прихожу. Но ты можешь меня спасти. Ты видишь перед собой человека, которого можешь спасти.

Карено. Послушай, Йервен, мое терпение истощилось.

Йервен *(в другом тоне).* Как подвигается твоя работа, Карено?

Карено *(удивленно смотрит на него).*

Йервен. Вероятно, она появится еще в этом году? Это будет большая книга? Впрочем, это меня не касается. Чтó я хотел сказать… Из нашего последнего разговора ты мог, пожалуй, вынести впечатление, что я не думаю того, о чем писал в своей диссертации; что я сделал это, чтобы угодить профессору Гюллингу. Но ты ошибаешься. Я был в отчаянии и не знал, чтó говорил.

Карено. Ты сказал, что тебя заставили признать учение, которое противоречит твоим убеждениям.

Йервен. Не надо понимать этого буквально. У меня были сомнения, это правда. Но когда вдумался глубже, я понял, что вступил на правильный путь.

Карено. Ха-ха-ха! И профессор Гюллинг вовсе не определял номера перчаток?

Йервен. Ты можешь смеяться, сколько угодно; невозможно написать целую книгу, не веря в то, чтó пишешь. По крайней мере, я не был бы в состоянии. Я уж не так беспринципен. И не так уж туп.

Карено. И ты стоишь «непоколебимо» на точке зрения твоей книги?

Йервен. Само собой разумеется…

Карено. Ха-ха-ха! Запиши это, Йервен. А то опять забудешь. Ха-ха-ха!

Йервен *(с отчаянной настойчивостью).* Надеюсь, ни один из нас этого не забудет. Ни я ни ты. Нет ничего позорного в том, что меняешь свои убеждения, и я вовсе не имею в виду скрывать это. Вероятно, ты услышишь об этом.

Карено. Я уже слышал. Я достаточно слышал.

Йервен. Ты услышишь еще больше. *(Направляется к двери.)* Я протянул тебе руку, - оттолкнул ее. Я еще здесь, еще не ушел. Я жду твоего решения.

Карено. Мне кажется, ты начинаешь угрожать.

Йервен. Ты возьмешь деньги?

Карено. Теперь можешь идти. Мое терпение истощилось. И не возвращайся. Я не знаю тебя. Вон! *(Указывает на дверь.)*

Йервен *(делает несколько шагов; стоит наклонившись вперед; дрожащим голосом).* Хорошо. Я уйду и не вернусь. Но ты услышишь обо мне. Куда бы ты ни пошел, я буду следовать за тобой по пятам! Запомни мои слова, - я не шучу. Пиши, издавай твою большую книгу; я убью твое имя. Как только ты высунешь голову, Карено, я утоплю тебя; всю твою жизнь я буду стоять за тобой и не дам тебе подняться. Ты думаешь, я

этого не смогу? Запомни мои слова: меня поддерживают сильные люди, и все двери передо мной открыты. Я буду бороться с тобою во всех газетах и из года в год буду доказывать, что ты исписываешься и выдыхаешься. Ты сделаешься ненужным человеком и нечего не сможешь создать. В один прекрасный день ты, может быть, придешь и позвонишь у моей двери, но тогда меня не буде дома. Смотри на меня. Карено, я говорю для того, чтобы ты не забыл. Сегодня ты все разбил в моей жизни, теперь очередь за мной. Борись, воюй – но я сдержу сове слово. Вот что́ я хотел сказать! Прощай. *(Уходит.)*

Э л и н а тихо вошла во время этой речи и остановилась у двери в кухню.

Карено *(смотрит то на жену, то на дверь, в которую вышел Йервен).* Ты понимаешь этого человека?

Элина. Я слышала, что вы здесь кричали.

Карено. Неслыханно! Он мне угрожает!

Элина. Зачем он приходил?

Карено. С Йервеном плохо. Я его не узнаю; все, что́ было в нем ценного, исчезло. Боже мой, он стоял здесь и грозил мне! Карстен Йервен... мне! Не сто́ит об этом говорить. Он простился и не придет больше.

Элина. Он просил твоей помощи?

Карено. Да. Но я не мог ему помочь... Ты чистила перчатки? Я чувствую; от тебя пахнет бензином.

Элина. Он сказал, что ты все ему разбил.

Карено. Да. Все это отвратительно. Я не хочу о нем думать... У тебя здесь запачкано, Элина. Постой. *(Смахивает пыль с ее плеча.)*

Элина *(допускает).* Ты мог ему помочь и не сделал этого?

Карено. Да. Я не хотел... Здесь волос.

Элина. Ничего. *(Идет к столу.)*

Карено *(следует за ней).* Я только хотел снять волос.

Элина. Ах, Боже мой, оставь же. *(Смахивает сама, садится и шьет.)*

Карено. Тебе нравятся двубортные сюртуки, Элина? Мой однобортный, но он мне больше нравится.

Элина. Ты сегодня совсем не работаешь, Ивар?

Карено. Нет. Сегодня маленькая задержка. Мне ничего не хочется, только болтать с тобой. Этого со мной никогда еще не случалось; болтать – все равно о чем. Но сегодня ночью я, вероятно, снова примусь за работу... Впрочем, если ты хочешь, я могу попробовать, пойду в сад и попробую. *(Идет к двери на веранду.)* Почему ты не хотела, чтобы я снял волос с твоего платья, Элина?

Элина *(невольно улыбается).* Ты все еще об этом думаешь?

Карено *(также улыбается).* Да. Я хотел знать, мой ли это волос?

Элина. По всей вероятности.

Карено. Но он был светлее моих.

Элина. Значит, мой.

Карено. Нет, он был темнее твоих.

Элина (настораживается и нервно чистит себя).

Карено. Он был русый. *(Смотрит на нее.)* Так, как у Ингеборг.

Элина *(быстро).* Значит, это волос Ингеборг.

Карено. Да, может быть.

Элина. Можно подумать, что мы дети. Мы без конца толкуем о волосе Ингеборг.

Карено *(задушевно).* Милая Элина, я тебя люблю; мне хочется говорить с тобой, - найти, о чем бы я мог говорить с тобой. Но за последние дни ты так изменилась, и это наводит меня на разные мысли. Я не верил, что это волос Ингеборг. Но если ты говоришь, значит, это ее. Но я думал совсем другое.

Слышен стук садовой калитки.

Элина. Но зачем об этом думать? Попробуй поработать в саду.

Карено. Почему ты это говоришь?

Элина. Почему я это говорю?

Карено. Ты ждешь кого-нибудь?

Элина. Ты ведь услышишь стук калитки, если кто-нибудь придет?

Карено. Мне показалось, что она стукнула.

Элина. Тогда подожди и посмотри, кто это.

Карено *(искренно).* О, нет, Элина, я этого не сделаю. Я вовсе не для того здесь. Я пойду в сад и попробую работать. Я всего лучше чувствую себя за работой.

Отворяет дверь на веранду.

Ингеборг *(входит со свертком и письмом, которые отдает Карено).* Вот, пожалуйста. (Уходит.)

Карено. Это мне? От издателя. *(Вскрывает письмо и читает. Элина наблюдает за ним.)* Так. Отказ. *(Подносит руку ко лбу.)* Ответ от издателя. А это – рукопись. Он присылает ее обратно. *(Закусывает губу и несколько раз кивает головой.)*

Элина. Что́ он пишет?

Карено. Отказывает. А здесь моя книга. Надпись: «При сем рукопись». Он не может ее издать, - пишет он. Профессор Гюллинг прочел и сказал, что ее надо основательно переделать. *(Протягивает ей письмо и начинает бродить по комнате.)*

Элина *(прочтя письмо).* Ну, вот видишь!

Карено. Он ясно говорит, что профессор Гюллинг не рекомендует издание этой рукописи без основательной переделки.

Элина. Да, я вижу.

Карено *(берет письмо).* «При сем рукопись», - пишет он. Как будто я намазал драму или кучу стихов. (Бросает письмо на стол и ходит.) Хорошо, попытаюсь в Германии.

Элина. А думаешь, что и там не придется переделать?

Карено. Нет. Я покупаю перчатки по своей мерке. Профессор Гюллинг не имеет там никакого значения. Мы живем в эпоху свободы личности, и я – я… Это и есть то письмо, которого я так ждал. Ну, вот оно и пришло. Да.

Элина *(встает и осматривает красное платье).*

Карено. Готово?

Элина. Да. Остается только выгладить.

Карено *(с жаром).* Боже мой, как я теперь одинок! Но я справлюсь с этим, Элина. Ведь были люди с еще более крайними убеждениями, и когда-нибудь меня поймут. Переделать! Чтó я должен переделать? Говорить «да», где я теперь говорю «нет»? *(Развертывает сверток и вынимает, продолжая говорить, тетрадь за тетрадью.)* Смотри, вот здесь о господстве большинства, и я это отвергаю. Это учение, для англичан, называю я – евангелие, которое проповедуется на базаре, на лондонских доках и возводится в закон и силу посредственностями. Здесь – о дерзновении, здесь – о ненависти, здесь – о мести, это этические начала, которые пришли в упадок. Обо всем этом я пишу. Будь только немного внимательнее, Элина, и ты поймешь. Вот здесь о вечном мире; все находят, что вечный мир прекрасен, а я утверждаю, что это учение для телячьих голов, которые его придумали. Да. Я смеюсь над вечным миром за его наглое пренебрежение к гордости. Пусть будет война, нечего думать о том, чтобы сохранить столько и столь-то человеческих жизней, потому что источник жизни неисчерпаем и неистощим; но необходимо поддержать в нас истинные начала человечества. Смотри, здесь главный отдел о либерализме. Я не щажу либерализма; я обрушиваюсь на него всеми моими силами. Но этого не понимают. Англичане и профессор Гюллинг – либералы, но я не либерал, и это все, чтó они поняли. Я не верю в либерализм, я не верю в выборы и не верю в народное представительство. Все это я прямо написал. *(Читает.)* «Этот либерализм, который воскресил старый противоестественный обман, будто толпа людей в два локтя вышины сама должна выбрать вождя в три локтя вышины…» Ты можешь сама прочесть – и так все время. Если все это переделать, то я должен сказать противоположное тому, чтó написано. А здесь заключение! Здесь на всех этих развалинах я возвел новое здание, гордый зáмок, Элина; я подвел итоги. Я верю в прирожденного властелина, в деспота по природе, в повелителя, в того, кто не избирается, но кто сам провозглашает себя вождем этих стад земных. Я верю и жду одного – возвращения величайшего террориста, квинтэссенции человека. Цезаря… Смотри, сколько я работал над этим! *(В неудержимом порыве.)* Это кровь моего сердца, Элина, это – все!

Элина. Я в этом ничего не понимаю.

Карено. Но я объясняю тебе. Я говорю просто и сильно, и этого они мне не могут простить; это не спокойное исследование, отвечают они. Чтó значит спокойное исследование? Складывать камень за камнем, арифметическое сложение! Философия, мышление – это спокойное исследование. Нет, это не мышление, Элина! Человеку недостает какого-то жалкого óргана, который мог бы проследить, каким путем деятельность мозга превращается в сознание. Мы только подозреваем, что мыслим; может быть, мы мыслим, а может быть, и нет. Мы не в состоянии этого контролировать; мы просто верим. Теперь понимаешь? Философия – не спокойное исследование, говорю я. Философия – это величественная молния, которая падает на меня с высоты и освещает меня. Это не арифметическое сложение, это – смотреть, видеть Божьей милостью.

Элина. Совершенно бесполезно объяснять мне все это.

Карено. Я только хочу, чтобы ты поняла. Тогда ты иначе будешь смотреть на меня.

Элина. Я все равно не пойму.

Карено. Но прежде ты слушала, когда я что-нибудь объяснял. Однажды ты даже прочла толстую книгу о Nicolaus von Cues и поняла ее. Это было не так давно, всего – несколько дней тому назад.

Элина *(твердо, меняя разговор).* Я решила, что мне лучше всего на некоторое время ухать к родителям. И ты тоже этого хотел.

Карено *(останавливается).* Правда?

Элина. Да. Мне кажется, это лучше всего. И так как ты этого хочешь...

Карено. Нет, теперь я не хочу. Не теперь!

Элина. Но я хочу.

Карено. Когда ты это решила? Идет все хуже и хуже.

Элина. Нет, ты получаешь только то, чего добивался.

Карено. Не понимаю, как я тут справлюсь со всем? Я остаюсь один в доме.

Элина. Готовить будет Ингеборг.

Карено. Но Ингеборг ведь тоже уходит.

Элина. Нет, я ей сказала, чтобы она осталась.

Карено. Правда?

Элина. Да, по-моему, пусть остается. Она будет смотреть за домом.

Карено. Тут что-то кроется.

Элина. Только то, что мы не в состоянии ей уплатить жалованья. Поэтому мы принуждены оставить ее.

Карено. А, ну, пусть остается... пока я ей не смогу уплатить... Нет, мне кажется, идет все хуже и хуже. Никогда мне так не хотелось, чтобы ты не уезжала.

Элина. Я много раз отказывалась, когда ты предлагал это.

Карено. Вот для чего ты в последнее время приводила в порядок свои вещи! Чистила перчатки и поправляла платья.

Элина. Да, для этого.

Карено *(беспокойно бродит).* Вот как! Конечно, нам счастье не улыбалось. Но я преодолел бы трудности, но я остался бы тверд и непоколебим. Но это!.. *(Подходя к ней.)* Не уезжай, Элина! Не теперь!

Элина. Боже мой, как часто я так же настойчиво просила тебя, как ты теперь меня, Ивар.

Карено. Ты так далеко отошла от меня за последнее время; не уходи еще дальше. Пусть останется хоть так, как теперь. Я не буду надоедать тебе собой; я буду сидеть в саду и держаться в отдалении. Но только останься!

Ингеборг *(входит).* Утюг готов, барыня. *(Уходит.)*

Элина. Иду. *(Идет к кухонной двери).*

Карено. Ты твердо решила ехать, Элина?

Элина. Да. *(Уходит.)*

К а р е н о несколько раз ходит взад и вперед. Он в сильном волнении, бормочет, двигает губами. Внезапно останавливается, идет в спальню и возвращается с чучелом сокола; становится на стул и вешает сокола над задней дверью. Э л и н а входит с утюгом.

Карено *(сходя со стула).* Я подумал… Ты не находишь, Элина… Он очень подходит сюда. Он положительно украшает комнату. Никогда бы не подумал, что он подойдет сюда; но это так. Посмотри.

Элина *(гладит свою красную юбку).*

Карено. Ты не находишь что он веселый парень? *(Глухо смеется.)* Взгляни же, Элина. Кто бы подумал, что такая штука может так высоко забираться.

Элина. Меня он больше не интересует.

Карено *(отступает и рассматривает сокола).* Он все больше и больше мне нравится. В самом деле. Он превосходно сделан. Знаешь, он похож на профессора Гюллинга. Поразительно, как он на него похож! Глаза, выражение клюва, если можно так сказать… Но, может быть, тебе не нравится, если я говорю, что он похож на профессора Гюллинга? Да это вовсе и не так. Во всяком случае это удивительная птица. Если я вчера забыл поблагодарить тебя, Элина, то мне искренно жаль.

Элина. Нет, ты не забыл поблагодарить.

Карено. Я готов это исправить.

Элина. Не можешь ли ты сказать, прошло ли уже полчаса с тех пор, когда ты был в спальне и переодевался?

Карено. С тех пор? Почему ты спрашиваешь?

Элина. Потому что мне хотелось бы знать.

Карено. Нет, полчаса еще не прошло. Разве у тебя что-нибудь варится?

Элина. Варится ли у меня?

Карено. Да; я думаю, ты боишься, чтобы оно не перегорело.

Элина. Да, у меня что-то варится.

Карено. Видишь ли, Элина, если бы только было возможно, я немного переделал бы свою книгу. Изменил бы кое-где. Поверь.

Элина. Но раз это невозможно, то?..

Карено. Я именно об этом теперь думаю.

Элина. Ты уж часто об этом думал.

Карено. Знаешь, что́ мне кажется? Что ты никогда не вернешься, если теперь уедешь.

Элина. Какие странные мысли!

Карено. Ты не вернешься. Я это чувствую.

Элина. Я ведь не за границу еду.

Карено. Ты заметила, я не спросил, когда ты уезжаешь? Я не хочу этого знать. И ты не должна мне говорить. Щади меня, пока возможно.

Элина. Милый Ивар, я тебя совсем не узнаю!

Карено. Прежде я ничего не имел против этого. Я говорил: уезжай на некоторое время. Но с тех пор столько произошло, теперь я не спокоен и не уверен. Но как хочешь.

Элина. Да. Хорошо.

Карено *(осматривается).* Подсвечники блестят, пыль стерта, все чисто и красиво. Здесь ты сидела, когда работала. Когда я писал, ты была тиха, как мышка. Ты всегда тут сидела. Однажды маленькие ножницы упали на пол, помнишь? Ты покраснела и сказала: «прости». «Прости» - ты сказала. Пусть благословит тебя Бог, моя маленькая девочка – ты сказала мне «прости»! Это было недавно, всего несколько дней.

Элина. Я не понимаю, что́ с тобой.

Карено. Я тебя мучу, я ухожу… Ты *хочешь* ехать, Элина?

Элина. Боже мой, довольно об этом говорить. Ведь не навеки я уезжаю. Это неслыханно.

Карено. Со всем остальным я справился бы. Это не так трудно. *(Элина делает нетерпеливое движение.)* Я иду… Ты стоишь передо мною, и я здесь чувствую твою теплоту. Когда ты выпрямляешься, я вижу, как ты дышишь. Мне кажется, будто я раньше никогда не видел этого – как ты стоишь и дышишь. У тебя такая белая шея. Почему я так мало целовал тебя! Теперь ты этого не хочешь, ты боишься, что я подойду… Ты любишь другого, Элина?

Элина *(молчит).*

Карено *(страстно).* Ты ведь не любишь никого другого, да? Ведь я люблю тебя, я хочу поцеловать тебя. *(Делает шаг к ней.)*

Элина *(быстро поднимая утюг).* Посмей! *(Они смотрят друг на друга.)*

Карено. Ну, ударь утюгом, чорт возьми! Чего ты еще ждешь?

Элина. Я жду тебя.

Карено. Прости, Элина. *(Отступает.)*

Элина *(опускает утюг).*

Карено. Прости, Элина! *(Уходит на веранду.)*

Элина *(падает без сил на стул. Через минуту встает и зовет).* Ингеборг!

Ингеборг *(отвечает из кухни, входит).*

Элина. Возьми, пожалуйста, утюг… Послушай, Ингеборг, я хочу съездить домой. Пока меня не будет, ты останешься смотреть за домом.

Ингеборг. Вы уезжаете домой?

Элина. Да. Домой, в деревню. Это всего три мили отсюда.

Ингеборг. На несколько дней?

Элина. Не знаю. Конечно, на несколько дней… Когда ты будешь стирать пыль, не забудь также про картину в спальне, изображение Христа.

Ингеборг. Хорошо.

Элина. Да, и также здесь, все вещи. Но не трогай бумаг моего мужа. Лучше пусть они останутся пыльными, чем их перекладывать. И не забудь также ежедневно наливать лампу, чтобы ему не приходилось делать это самому.

Ингеборг. Когда барыня уезжает?

Элина. После обеда. Сейчас. Я только переоденусь. *(Берет красную юбку и идет в спальню.)* Кажется, все. Все, что́ надо, можешь купить внизу в лавке. Бери с собой книжку. *(Уходит в спальню; И н г е б о р г в кухню.)*

Карено *(входит возбужденный, страдающий, тревожно осматривается, отворяет дверь в кухню).* Барыня здесь? *(Получив ответ.)* В спальне? *(Подходит к двери, тихо стучит: получив отрицательный ответ.)* Нет, я вовсе не хочу войти. Я решил: я пойду к издателю. *(Ищет свою шляпу, дверь приотворяется.)*

Голос Элины. Я не слышала, что́ ты сказал.

Карено. Я говорю, что пойду к издателю. Кое-что в моей книге я могу переделать. Я обдумал это. Глава о либерализме задела профессора Гюллинга; я ее вычеркиваю. Это не важно. Два-три

излишне резкие мнения я тоже могу вычеркнуть. Все-таки это будет большая книга, даже если я вычеркну. *(Грубо.)* Повторяю, я ее переделаю.

Голос Элины. Ты это сделаешь?

Карено. Я вернусь с авансом. У меня в руках будут развеваться кредитные бумажки.

Голос Элины. Как хочешь. *(Дверь закрывается.)*

Карено *(опять стучит).* Так ты мною довольна? Чтó ты там делаешь? *(Прислушивается.)* Я ухожу. *(Берет свою рукопись и быстро уходит через заднюю дверь. Вслед затем слышен громкий стук садовой калитки.)*

Тихо входит Б о н д е с е н, осматривается, стучит в дверь. Э л и н а быстро появляется из спальни в красном платье; лиф еще не застегнут; вскрикнув, скрывается.

Голос Элины. Одну минуту.

Бондесен. Вы показались, как видение.

Голос Элины. Я сейчас выйду. Сейчас.

Бондесен. Но в красном платье! *(Садится.)*

Элина *(входит, останавливается у двери, радостно смотрит на него).*

Бондесен *(вскакивает).* А! *(Подходит к ней; восторженно.)* Боже мой!

Элина *(улыбаясь).* Я в красном платье: вам нравится? *(Протягивает ему руки.)* Пожалуйста, садитесь. Так мы едем? Как я вам благодарна!

Бондесен. Карета ждет внизу на улице.

Элина. Ходите смелее. Ничего. И говорите громко, как угодно. *(Они садятся.)*

Бондесен. Куда ушел ваш муж? Я его встретил; я почти столкнулся с ним.

Элина. Мой муж в городе. Вы чуть не столкнулись с ним?

Бондесен. Почти у самой калитки. Я посторонился.

Элина. Я столько пережила за эти полчаса. Какая пытка! Я вам расскажу в карете. Наконец я свободна!

Бондесен *(заметив сокола).* Вот как! Птица все-таки попала на свое место.

Элина. Да. Об этом я тоже расскажу вам в карете. Да, теперь все становится на свое место, но слишком поздно. Теперь я хочу уехать; я это ему сказала, он знает... Я все время боялась, что вы придете слишком рано. Или совсем не придете.

Бондесен *(в восхищении).* Большой ребенок! Ну, одевайтесь.

Элина. Вы очень хотите?

Бондесен. Вам нужен ответ? *(Берет ее за руку.)*

Элина. Как я рада, что вы хотите!

Бондесен. Почему?

Элина. Значит, не я одна. К сожалению, на мне все сразу видно. Он говорит, что я сияю и у меня новое выражение глаз; вы тоже находите?

Бондесен. Да, вы вся сияете.

Элина. Правда?.. Да, я хочу это сделать теперь, потому что Бог знает, смогу ли я сделать это после. Едем. Я молодая девушка, а вы...

Бондесен. А я чтó?

Элина *(улыбается).* «Весна проносится над землей...» - Знаете это? Я люблю вас каждым уголком моего сердца. Посмотрите на меня.

Бондесен *(хочет ее привлечь к себе).*

Элина. Нет, нет. Садитесь... Недавно здесь был Йервен; он так несчастен; он умолял помочь ему в чем-то. Но Ивар ему отказал.

Бондесен. Йервен опять был?

Элина. Да. Но суть в том, что Ивар был неумолим. Как я теперь... Карета закрытая?

Бондесен. Да.

Элина. Может быть, лучше открытую?

Бондесен. Одевайтесь, милая.

Элина *(встает).* Вы сказали: милая. *(Откидывает его голову назад и смотрит.)* Теперь я стою совсем близко от вас. *(Внезапно.)* А! *(Обнимает его, крепко целует и быстро отбегает.)*

Бондесен *(вскакивает).*

Элина. Нет, нет; сидите. Я сейчас пойду и оденусь. Но у меня еще есть маленькое дело. *(Уходит в спальню и приносит оттуда, пряча под рукой, жилет Карено. Останавливается в дверях.)* Может быть, вы на минуту пойдете на веранду? Обсмотрите сад; вы можете чувствовать себя вполне свободно.

Бондесен. Вы хотите остаться одна?

Элина. Да.

Бондесен. Я ухожу неохотно; но... *(Уходит на веранду.)*

Э л и н а начинает быстро пришивать пуговицы к жилету. Б о н д е с е н опять входит.

Элина *(прячет жилет).* Нет, я еще не кончила.

Бондесен. Мне нельзя войти? Я не могу больше быть без вас.

Элина. Я должна пришить две пуговицы к этому жилету, вот и все. Я не хотела вас обидеть; это жилет Ивара.

Бондесен. Вы теперь можете думать о таких пустяках?

Элина. Я обещала. Я не хочу, чтобы он терпел из-за меня. Потому что теперь мне хорошо. Но все-таки я думаю только о вас.

Бондесен. Это правда?

Элина. Вы не верите? Не понимаю, как я могла любить кого-нибудь другого, кроме вас. Я совсем потеряла голову.

Бондесен *(подавляя возбуждение).* Вы меня с ума сводите.

Элина. Как и вы меня! Садитесь. Вы мне мешаете. Я прочла одну книгу, в ней не было ничего особенного, но я запомнила слова: «Вы стоите и дышите зноем».

Бондесен *(обнимает ее).*

Элина. Нет! *(Улыбаясь, указывает на стул.)*

Бондесен *(опять садится).*

Элина. Ну, вот готово, все готово. У кучера есть бич?

Бондесен. У нашего кучера? Конечно.

Элина. Да, но я ему не дам; он не должен бить лошадей. Бич будет у меня. Никто не должен страдать из-за меня, когда мне хорошо.

Бондесен. Прекрасно. Бич будет у вас.

Элина. Так – готово! Я только позову Ингеборг! *(Относит жилет в спальню, достает свое верхнее платье, открывает дверь в кухню.)* Ну, Ингеборг, я уезжаю. Смотри за домом.

Ингеборг *(в дверях).* Хорошо. Счастливого пути!

Элина. Благодарю. *(Кивает.)* Кланяйся моему мужу.

Ингеборг. Помочь вам?

Элина. Нет, благодарю. Господин Бондесен поможет мне. *(Улыбаясь, кивает и закрывает дверь.)*

Слышен стук садовой калитки.

Бондесен *(вскакивает).* Это он! *(Торопливо помогает Элине надеть кофточку.)*

Элина. Нет, вероятно, кто-то другой. Он не мог вернуться с полдороги.

Бондесен. Нет, это он. Выйдем отсюда. *(Указывает на веранду.)*

Элина. Если это он, я могу с ним проститься.

Бондесен. Вы не шутите?

Элина. Вы так трусливы. *(Улыбаясь и сияя, закидывает голову назад.)* Мне так хорошо здесь с вами. Подождите минуту. Опасность так ничтожна. Во всяком случае, по саду я пойду очень медленно.

Бондесен. Тогда я пойду вперед. *(Хочет идти.)*

Элина. Нет, нет; я иду. Но я громко захлопну калитку, чтобы он знал, где я.

Бондесен *(задыхаясь).* Вот! Шаги на крыльце! Вы идете?

Элина *(ликующе).* Да! Да! *(Оба уходят через дверь на веранду).*

Карено *(медленно входит через заднюю дверь, колеблясь, подходит к двери спальни и стучит.)* Элина, я вернулся. *(Прислушивается.)* Я снова передумал. *(Прислушивается, громче.)* Элина, я не могу. *(Прислушивается, стучит в дверь; в бешенстве.)* Я не буду переделывать, слышишь? Я не в состоянии. *(Опять стучит.)* Почему ты не отвечаешь? Ты здесь? *(Отворяет дверь, смотрит.)*

Ингеборг *(входит удивленная).*

Карено. Барыня на кухне?

Ингеборг. Нет, барыня уехала.

Карено. Уехала?

Ингеборг. Да, барыня уехала домой.

Карено. Уже?

Ингеборг. Они только что прошли через сад.

Карено. Кто это «они»?

Ингеборг. Барыня и Бондесен.

Карено. Бондесен?

Ингеборг. Только что вышли. Барыня велела вам кланяться. Может быть, догнать их?

Карено. С Бондесеном? *(Опускается на стул.)*

Слышен резкий стук садовой калитки.

Ингеборг. Вот они захлопнули калитку.

Карено *(поднимается, быстро отворяет дверь веранды и выбегает).*

Ингеборг *(за ним).* Лучше я.

Карено *(возвращается; борясь с собой).* Нет, оставь; они уехали… Благодарю; мне больше ничего не нужно, Ингеборг. *(Снова опускается на стул.)*

Ингеборг *(направляется в кухню).*

Карено *(овладев собою).* Я совсем забыл, Ингеборг. Ведь мы условились, что она уедет. Просто забыл, понимаешь?

Ингеборг. Да, да.

Карено. В последнее время я так много работал и так мало спал, что совсем забыл. Да, да, так и должно быть. И Бондесен был так любезен, что согласился проводить ее. Он обещал мне это… Благодарю, Ингеборг, мне больше ничего не надо.

Ингеборг. Хорошо.

Карено. А если кто придет, то меня нет дома. Я должен работать. Можешь запереть дверь на ключ.

Ингеборг. Хорошо. *(Уходит.)*

К а р е н о бродит взад и вперед. По временам он прикладывает руку ко лбу, сжимает его, идет к письменному столу, машинально перебирает рукопись, бросает в сторону и снова принимается бродить. В это время слышен стук калитки. Вслед затем входит И н г е б о р г.

Ингеборг. Какие-то господа пришли.

Карено. Меня нет дома. Я должен работать. *(Садится за письменный стол.)*

Ингеборг. Они велели извиниться и передать, что пришел судебный пристав.

Карено *(вскакивает).* Судебный пристав? *(Пересилив себя.)* Проси войти.

Ингеборг *(уходит).*

Карено *(стоит наклонившись; услышав стук, выпрямляется).* Войдите! *(Судебный пристав и два свидетеля входят. У одного под мышкой протокол.)*

К а р е н о кланяется.
